

Пять лет революции права.

Революция не имеет ничего общего с правом, с точки зрения права всякая революция подлежит безусловному осуждению. Так рассуждают буржуазные юристы. Бесперывность права для них считается непоколебимым принципом. Российское революционное временное правительство 1917 г. действовало по указу свергнутого Николая, Германское временное правительство 1918 года именем лишившегося трона Вильгельма или, вернее, по передоверию его канцлера Макса Баденского.

Октябрьская революция, как революция пролетарских масс, не могла остановиться на такой формальной точке зрения: она привела к революции и в праве. Правда, и она сначала в этой области была революционнее на деле, чем на словах. Революционные суды образовались раньше, чем издавались общие о суде законы, старые законы были признаны упрядненными раньше, чем о том поветствовали декреты. Старые суды уже потеряли всякий авторитет в глазах широких масс, когда партийные товарищи, революционеры не за страх, а за совесть, еще в колебаниях остановились перед подписанием декрета об их упразднении. Так еще в величайшей в мире революции мы на деле убедились, что сильнейшею крепостью, последним убежищем всякой идеологии, всяких идеалистических пережитков является право.

О праве, о правосудии, вообще, как-будто забыли. В числе народных комиссаров в постановлении II-го Всероссийского съезда советов «Об образовании Рабоче-Крестьянского Правительства» Народным Комиссаром был назван тов. Оппоков (Ломов), но всем было известно, что он из Москвы едва ли уедет и едва ли уйдет из политики и станет заведывать правосудием Советской России. В эту возможность верили, по крайней мере, так же мало, как в то, чтобы И. И. Скворцов действительно переехал из Москвы в Народный Комиссариат Финансов. Но Народный Комиссариат Юстиции был обещан левым эсерам на случай их вступления в правительство, и общее мнение было таково, что с этим комиссариатом, вообще, нечего спешить.

Конечно, большевики не отрицали значения законов. Они, может-быть, даже слишком верили в них. Но до революции они, как и все социал-демократы-марксисты, слишком мало думали о вопросах права, и само законодательство в первое время происходило не особенно регулярно. Рядом с постановлениями и декретами II-го съезда (о власти советов, о мире, о земле) декреты подписывал именем правительства Российской Республики «Председатель Совета Народных Комиссаров». Но в то же время в «Газете Временного Рабоче-Крестьянского Правительства» печатались «постановления Рабоче-Крестьянского

Правительства о 8-ми часовом рабочем дне», за подписью «именем Росс. Республики за Комиссара Труда Ю. Ларин», или «о жилищной моратории», за подписью «Народного Комиссара Земледелия В. Милютин» и т. д. «Инициатива законодательства» не была ограничена—и так в один прекрасный день я вместе с тов. Козловским, тогда еще не входя в Наркомюст, сели, написали и представили в Совнарком на поллисте почтовой бумаги проект декрета «об уничтожении сословий и гражданских чинов», а через несколько дней 10/23 ноября декрет уже прошел в Совнаркоме и ВЦИК и был опубликован.

Но в то же время все суды, с «правительствующим сенатом» во главе, нашу революцию просто игнорировали. Если в феврале, на второй день после революции, суды уже писали свои решения «по указу временного правительства», то после Октябрьской революции они Рабоче-Крестьянское Правительство и временно*) признавать не желали.

В сотнях камер мировых судей и разных других судов провозгласили решения по указу свергнутого уже временного правительства и на основании законов свергнутых правительств. Это было нетерпимо и я набросал опять вместе с тов. Козловским проект первого «декрета о суде».

В это время я получил назначение вр. Комиссаром Юстиции. Как во всех ведомствах, так и в министерстве юстиции служащими была объявлена забастовка. Для меня это было весьма кстати, ибо я ни минуты не сомневался, что в министерстве юстиции весь высший состав персонала придется просто разогнать. Из партийных источников я узнал, что из состава канцелярских служащих всего трое согласны продолжать работу (из них один значащийся большевиком). На другой день после моего назначения я без лишних церемоний отправился пешком в здание министерства на Екатерининской улице.

Может-быть, швейцарам и курьерам немного странно показалось, что представитель новой «грозной» власти приходит пешком один, без провожатых и за руку здоровается с ними. Но я должен сознаться, что и я был несколько поражен тою приветливою их встречей не только в министерстве, но потом и в сенате, и других местах. Это был единственный элемент, близкий к пролетарскому, во всем старом суде и, повидимому, их классовый инстинкт им предсказал, что эта власть есть именно их классовая власть. Надо отдать

*) Второпях Рабоче-Крест. II-во обозвало и себя временным, хотя оно и не думало добровольно сдать свою власть и вполне верило в свою прочность. Мы в Наркомюсте поэтому в заглавии «Собр. Уз. и Расп. Раб-Кр. Пр.» внесли маленькую поправку в революцию—просто выпустили словечко «временное».

им справедливость: они в смысле охраны имущества и зданий оказали громадную услугу Республике. И, конечно, не по своей вине Республика вынуждена была им отплатить недостаточно щедро и даже наоборот: сократить их количество, перемещать их и, вообще, поставить в условия весьма неблагоприятные. Но я здесь подчеркиваю еще раз, что это не вина новой власти.

Из прочих служащих я в канцелярии никого не нашел, но в то же время мне сообщили, что все служащие весьма аккуратно являются в столовую к обеду и на митинг. Для осторожности они оставили на службе двух своих представителей, старых служащих — дипломатов, из которых я одного там же, в коридоре, и встретил. Он мне объяснил, что он согласен продолжать работу и, таким образом, лишил меня повода к его увольнению, что я сделал бы безусловно в тот же день, случайно зная его отношение к новой власти и не только к новой власти. Я объявил ему, что я за уклонение от занятий увольняю весь высший состав служащих министерства, приглашаю весь остальной персонал на следующий день явиться на службу с предупреждением о их увольнении в противном случае и одновременно отдаю распоряжение о закрытии столовой и, вообще, здания для всех, не являющихся на работу. Низшие служащие меня просили прислать некоторую вооруженную охрану, но хотя я и действительно принял в этом отношении известные меры, такая охрана, по крайней мере, в тот день не прибыла, да и, вообще, оказалась ненужной. Так мы без кровопролития завоевали центр всего аппарата правосудия, историческое здание министерства юстиции.

Я сказал бы, к счастью, без его чиновников, ибо за исключением 3—4 человек, действительно, никто на службу не явился, пока не была сломлена главная цитадель, правительствующий сенат.

Я уже сказал, что первый проект декрета о суде был составлен нами еще до моего назначения Народным Комиссаром. Его проведение совершенно неожиданно встретило сопротивление в собственных рядах. Я не говорю о левых эсерах, уже представленных в ВЦИК. Нет, и в Совнаркоме, где сидели одни коммунисты. Не знаю, большинство ли сначала было настроено против этой мысли, или лишь меньшинство, ибо на голосование проект не ставился, но Владимир Ильич, которому весьма понравилась смелая мысль, не хотел ее проводить так «наскоком» при «оппозиции» в собственных рядах. Он правильно рассуждал, что хвалю в нагрии яго эгль о влэргэу ягои ияичгэановдэП гвинэжэвоэ илгэ эж явоэку ээодрюэ иоте в и огэг эвоэ лэвгэгэ ииполювэд гох Наркомюста и в 1918 году напечатан в выпуске 2-м «Материалов Народного Комиссариата Юстиции». Он состоял из 9 статей и введение его гласило: «Великая рабочая и крестьянская революция рушит основы старого буржуазного порядка, покоящегося на эксплуатации труда капиталом, и вызывает необходимость **коренной ломки старых юридических учреждений и институтов, старых сводов законов**, приспособленных к отжившим общественным отношениям, и создания новых подлинно демократических учреждений и законов». Всякий читавший К. Маркса («Речь пред присяжными заседателями в Кельне») заметит, что выражения разрушительной части этого первого акта

революции права взяты оттуда. Еще в дооктябрьскую эпоху нашей революции в петербургском исполкоме была нами выдвинута эта мысль, но когда я как-то цитировал слова Маркса из этой его речи, наши социал-демократы-меньшевики нашли, что это, повидимому, слова какого-нибудь анархиста. Когда этот взгляд на право тов. Козловским проводился на суде в процессе Кшесинской о выселении из ее «дворца» ЦК и ПК партии большевиков, то он был высмеян не только меньшевиками, но, конечно, и кадетами. Теперь та же мысль встретила известное сопротивление в рядах самих большевиков. Особенно мысль декрета: «упразднить общие судебные установления, как-то: окружные суды, судебные палаты, правительствующий сенат со всеми его департаментами, военные суды всех наименований, а также коммерческие суды и институт мировых судей, избираемый путем непрямого выборов».

Если мы в первых словах говорили еще о «подлинно демократических учреждениях», то здесь мы повторяем ту же мысль о «непрямых выборах».

Но зато ст. 6 у нас уже гласила: «Для решения судебных дел, как гражданских, так и уголовных, учреждаются местные рабочие и крестьянские революционные суды, **образуемые местными районными и волостными, где таковых нет, уездными и губернскими советами** в составе председателя и не менее двух членов, руководящихся в своих решениях и приговорах **не писанными законами свергнутых правительств**, а **декретами Совнаркома, революционной совестью и революционным правосознанием**». Значит, мы в первом же проекте без оглядки провозглашаем классовый принцип юстиции.

Наших товарищей, прежде всего, пугала мысль, как суду обойтись без законов. Напишем, мол, раньше новые законы, а затем уже распустим и старые суды, и назначим новые. А до тех пор, спрашивали мы, мировые судьи, судебные палаты и сенат будут продолжать свое контр-революционное дело? Сведения об этой контр-революционной их деятельности получались ежедневно; особенно воинственно был настроен сенат. В то же время мы доказывали товарищам, как медленно во время революций создавались новые кодексы: «Гражданский Кодекс Наполеона» вышел лишь в 1804 году. Некоторые товарищи начали склоняться в сторону декрета, но только — **не все суды сразу упразднить**. Одни предлагали начать снизу, другие сверху, т.-е. с сената, и продолжать дело упразднения постепенно. Мысль — явно несостоятельная и лишняя разумного основания.

Опасным противником декрета был тов. Луначарский. Но случилось чудо. На заседании Совнаркома, в виду его возражений, вопрос был отложен до следующего заседания. Тов. Луначарский взял с собою законопроект и за ночь из Савла превратился в Павла*). В следующем заседании тов. Луначарский произнес блестящую защитительную речь в пользу проекта и проект сделан декретом. На утверждение ВЦИК'а он внесен не был, ибо опасались новой затяжки дела со стороны наших союзников, левых эсеров. 24-го ноября декрет о суде был опубликован и вступил в силу.

*) См. его статью «Рев. и Суд» в «Правде» от 1 дек. 1917 г.

Если сопоставить проект и окончательный декрет, то мы видим, что декрет в одном вопросе остановился на полпути. Он отменил все суды, но только дела мировой подсудности были переданы местному (ныне народному) суду, дела прочих судов были приостановлены впредь до особого декрета. Местный суд впредь «до назначения прямых демократических выборов избирается... советами». Значит, только так-называемые «мелкие дела» мировой юстиции решились передать рабочему суду. Что же касается демократических выборов, то, во-первых, еще не были изжиты иллюзии учредительного собрания, а, во-вторых, пришлось несколько считаться с мнением еще не побитых левых эсеров.

Жизнь была решительнее нас. Еще задолго до октября в Кронштадте, в Выборгском районе и в других местах народ просто бойкотировал старый суд и образовал свой революционный суд. Даже Керенский сделал уступку «общественному мнению» и посадил рядом с мировым судьей двух заседателей—рабочего и солдата. Революционный суд судил не по закону, а по своему убеждению. Интеллигенту это показалось несуразностью, он больше находился в путях правового мистицизма. Он не мог сразу преодолеть старой идеологии права, как творчества векового ума человечества. И когда тов. Луначарский произнес свою горячую речь в пользу революционного декрета, и Совнарком ему предложил изложить свои мысли в особой статье в «Правде», то мы убедились, что нам в нашей революции помогла теория контр-революционного кадетского профессора Петражицкого, а не теория Маркса. Все это, конечно, не упрек товарищам. Нет, мне только важно отметить, как мы все без исключения медленно переходим к революционным взглядам в области права.

Статью проекта о законах также пришлось несколько смягчить. «Местные суды... руководятся в своих решениях и приговорах законами свергнутых правительств лишь постольку, поскольку таковые не отменены революцией и не противоречат революционной совести и революционному правосознанию». Смысл статьи не изменил взгляда проекта на отмену старых законов, но он смягчил его букву, а для большей конкретности примечание ввело ссылку на программы-минимум победивших революционных партий. Наши друзья справа не мало издевались над этим примечанием, что только доказывает, как им чужда была, вообще, революционная точка зрения.

В то время, как все остальные суды декрету подчинились, сенат и сословие присяжных поверенных объявило восстание против декрета. Совет присяжных поверенных петербургского округа отомстил мне тем, что демонстративно исключил меня из сословия присяжных поверенных, сословия, только-что отмененного нами тем же декретом о суде, после чего совет перешел на «нелегальное положение». А сенат готовил контр-революционное воззвание, оставшееся ненапечатанным лишь потому, что рабочие сенатской типографии отказались его набрать. С трудом они нашли машиниста, отпечатавшего это воззвание в нескольких экземплярах. К сожалению, этот исторический документ, кажется, до сих пор не опубликован. Все-таки

здание сената пришлось закрыть, хотя и без сопротивления, вооруженною силою. Процедура закрытия была проделана 4-го декабря 1917 года. Выходившая тогда еще кадетская «Речь» довольно остроумно описала, как комиссар над сенатом тов. Дамберг, якобы, собрал всех швейцаров и курьеров и, сев в кресло превоприсутствующего, объявил, что до сих пор сенаторы сидели в креслах, а курьеры стояли у дверей, пусть теперь будет наоборот (цитирую наизусть). Надо отдать справедливость остроумию репортера и мы от всей души посмеялись над этим описанием, но сената оно не спасло. Мысль в этом описании была выражена та же самая, как и в преамбуле «Русский Ведомостей» («Свободной России»), когда она про народный суд писала: «поместный дворянин заменен пролетарием, только и всего». Но замена сенатора и мирового судьи пролетарским судом—это и есть революция права...

Мы прожили с тех пор пять лет. Не закрывая глаз на слабые стороны народного суда, мы должны признать, что он вполне оправдал себя и что все пролетарские революции должны будут идти тем же путем. Но все эти будущие революции будут, к счастью, иметь пред собою опыт нашей революции. Революция права лишь на 5-й год проникла и в теорию, как ни странно, в то время, когда мы находились уже в стадии отступления и в области права.

Многим покажутся непонятными наши слова в честь революции права в момент, когда они видят, как мы «возвращаемся к сожженным законам». Ибо прокуратура, адвокатура, «красный» десятый том, т.-е. Гражданский Кодекс,—не является ли все это простой перепечаткой? Я беру закон о введении в действие Гражданского Кодекса РСФСР и читаю: «Воспрещается толкование постановлений сего Кодекса на основании законов свергнутых правительств и практики дореволюционных судов или ссылка на них». Значит, не возврат, а лишь отступление, строго ограниченное отступление с сохранением власти победившей революции. Это с чисто практической точки зрения.

Но мы переживаем сейчас целую революцию и в идеологии права. Толчек этой революции идеологии дала революция на деле. Как довольно-таки часто ум человеческий плетется позади событий, что не мешает ему делать новые чудеса, когда его прояснит молния классового сознания. И неудивительно, что именно область права в этой борьбе с отжившею свой век идеологиею по времени всюду занимает последнее место. Когда мы в 1917 году смело провозгласили «революционное правосознание», оно не имело того определенного классового содержания, какое мы вкладываем в эти слова ныне. Только оставаясь верными этим завоеваниям пятилетней революции права, мы избегнем того, чтобы «красные» прокуроры у нас не превращались в дореволюционных прокуроров, «красные» защитники не обращались в прежних Балалайкиных, а советские народные суды не стали просто казенными судами.

Революция права не закончена, она продолжается и после пяти лет борьбы, только новыми средствами.

П. Стучка.

Из деятельности Московского комиссариата по судебному ведомству.

(Беседа с Наркомом Юстиции тов. Д.м. Ив. Курским).

К нашему сожалению, вследствие своей болезни тов. Курский не мог дать своей статьи для юбилейного номера «Еженедельника Советской Юстиции».

Однако, несмотря на трудность говорить долгое время, тов. Курский, пригласив редактора журнала к себе на квартиру, поделился своими воспоминаниями, которые являются не только его личными впечатлениями, но и интересными историческими фактами нашей революции и первых дней строительства народных судов и революционных трибуналов.

Хотя декрет о суде № 1 был получен в Москве в конце ноября 1917 года, — начал тов. Курский, — но фактически старый судебный аппарат в значительной степени был разрушен в самом ходе революции. Оставшийся неизменным персонал царских судебных чиновников фактически саботировал даже и временное правительство. После боев в октябрьские дни работа окружного суда и судебной палаты прекратилась.

Кое-какая работа, по инерции, велась лишь в камерах следователей и в некоторых камерах мировых судей.

Директивы, данные декретом о суде № 1, сводившиеся к полному упразднению общих судебных мест и временному использованию аппарата мировых судов, стали проводиться в Москве группой товарищей, которым Московский совет поручил организацию судебного дела в Москве (Берман, Богров, Белкин, Курский, Черлунчакевич).

Было решено прекратить всякую деятельность окружного суда, прокуратуры, судебной палаты и принять меры к занятию здания в Кремле (выставлен караул, прекращен доступ посторонних лиц и т. д.). Считая необходимым, в интересах борьбы с уголовной преступностью, сохранение следственного аппарата, комиссия вызвала представителей существовавшей еще корпорации судебных следователей и предложила им продолжать работу. Согласно декрета, также было предложено мировым судьям временно оставаться на местах, продолжая прием заявлений и сообразуясь в своей деятельности с основными началами декрета о суде. При этом предполагалось кандидатуры некоторых мировых судей предложить на утверждение Московского совета при избрании 1-го состава народных судей.

Саботаж следователей и судей.

С первых же шагов комиссии пришлось столкнуться с полным непониманием со стороны следователей и мировых судей происшедшего переворота и нежеланием их работать. Старшина следователей, почтенный старец (между прочим, делегация следователей явилась по вызову в назна-

ченный час и вела переговоры в самом корректном тоне) заявил, что они могут продолжать работу только в том случае, если будут сохранены в силе судебные уставы 1864 г. и будет дана возможность функционирования общим судебным местам. На категорическое наше заявление, что теперь действуют не уставы 1864 года, а первый декрет советской власти о суде, и организацией судебного дела будет руководить Московский совет, последовал столь же категорический отказ продолжать следственную работу. Ближайшее ознакомление с камерами следователей показало необыкновенный завал старых дел, а кое-где и попытки уничтожить старое производство по уголовным делам.

Что касается деятельности мировых судей, то в Москве не нашлось ни одного судьи, который стал бы продолжать работу после издания первого декрета о суде и сделанного им предложения. Причем, со стороны ставленников московской ценовой городской думы тактика была избрана несколько иная. По сведениям комиссии, собрание мировых судей решило продолжать свою деятельность под знаменем «временного правительства», но приостановить ее при первой попытке со стороны большевиков вмешаться в судебное дело. Это вызвало с нашей стороны решение о закрытии всех камер мировых судей. Нужно прибавить, что в некоторых районах Москвы, по инициативе районных советов, камеры были закрыты самими районами еще до получения какого-либо разрешения из Московского совета и на место мировых судей были посланы в качестве временных комиссаров рабочие.

В здании общих судебных мест в Москве.

Помещения окружного суда и судебной палаты в Москве были опечатаны в конце декабря; когда же комиссия, руководствуясь декретом о суде, назначила туда комиссара (тов. Богрова) и объявила день приема дел, то встретила с абсолютным саботажем всех старых членов суда и судебной палаты и сотрудников. Никто из них не явился по вызову и даже не представил ключей. Было решено занять здание общих судебных мест и здесь организовать руководящий центр для Москвы и Московской области. Этот центр получил название Московского комиссариата по судебному ведомству.

Когда комиссия явилась в здание суда, здесь она была встречена курьерами в числе 83 человек, которые на мое обращение к ним от имени советской власти заявили о своей полной готовности поддержать наши начинания и работать с нами.

Первый революционный трибунал.

Первые усилия Комиссариата по судебному ведомству были направлены на организацию революционного трибунала, первоначальный проект

его был набросан тов. Покровским, который тогда непосредственно работал в Московском совете и, как историк, был хорошо знаком с организацией трибуналов Великой французской революции. Характерной особенностью проекта, ставшего потом Положением о Московском революционном трибунале, была необыкновенная мягкость репрессий: так, трибунал был ограничен высшим пределом наказания—до 4 лет лишения свободы и определенной суммой штрафа в несколько тысяч рублей. Это служит лучшим доказательством исторически вынужденного и необходимого последствия бешеной вражды контр-революции—террора. Первым председателем Московского трибунала был утвержден тов. Берман. Уже после организации Московского трибунала был получен декрет о революционных трибуналах из Петрограда и в московское Положение были внесены соответствующие изменения.

Организация народных местных судов и следственного аппарата.

Непосредственная организация местного народного суда в Москве была поручена тов. Черлунчакевичу, комиссарство по общим судебным местам—покойному тов. Чегодаеву, а организация следственного дела—тов. Богрову. Комиссаром юстиции Москвы и Московской области вскоре был назначен я, а тов. Берман продолжал работу в Московском трибунале, являясь, помимо того, также юрисконсульт Московского совета.

При организации судебного дела, с первых же шагов выяснилась необходимость привлечь к непосредственной работе рабочих, так как число интеллигентов, а тем более, юристов, которые могли бы быть привлечены к судебной работе, было ничтожно. Местный народный суд и следственные комиссии постепенно были организованы и работа их налаживалась.

Ликвидация общих судебных мест.

Работа в общих судебных местах свелась, на первых порах, к овладению залежами старых дел, организации справок на запросы частных лиц, которые вскоре стали обращаться в большом количестве, и образованию, с участием тов. Чегодаева, третейского суда для разбора крупных гражданских дел на основании постановления Московского совета, причем нами была разработана подробная инструкция этого суда, который должен был временно заменить еще неорганизованный окружный народный суд для разрешения гражданских дел и происходил под председательством тов. Чегодаева, являвшегося супер-арбитром. В этом тоже нельзя не видеть попытки принять меры к тому, чтобы гражданский оборот не обрывался. Этому третейскому суду пришлось разрешить немало дел до организации окружного народного суда по декрету о суде № 2.

Враждебная роль адвокатуры и первые шаги общественного обвинения.

Адвокатура, повидимому, продолжала некоторое время существовать, как нелегальная организация, пользуясь собраниями юридического общества, но работа ее ограничивалась выступлениями отдельных защитников в революционном трибунале с явно враждебным отношением к советской власти. Выступлениями адвокатов пользовалась,

как трибуной, буржуазная пресса, существовавшая в то время даже в лице такого органа, как «Русское Слово».

Круг обвинителей намечался революционным трибуналом. Старая прокуратура была уничтожена, о новой прокуратуре вопрос не ставился. Для этого нужно было, чтобы выкристаллизовалось самое понятие революционной законности.

С приездом из Петрограда тов. Крыленко и организацией Верховного Трибунала при ВЦИК была создана первая коллегия обвинителей.

Борьба с преступностью.

Обстановка, которая создалась в конце 1917 г. и начале 1918 г. в Москве, ставила перед Комиссариатом по судебному ведомству настоятельную задачу обратить особое внимание на организацию следственного аппарата для борьбы с преступностью, особенно с бандитизмом, с которым революция стихийно расправлялась путем расстрелов на месте задержанных налетчиков-бандитов или расстрелами их красноармейцами и милиционерами при «попытке бежать». Таким образом, обнаруживалась необходимость создания органов борьбы с преступлениями, нарушающими революционный порядок, как в области следствия, так и в области непосредственной репрессии. Местные народные суды лишь постепенно могли овладеть борьбой с этими явлениями.

Создание юридических отделов.

После первых же практических шагов по организации местного народного суда перед Комиссариатом стал вопрос об организации особых органов юстиции на местах, которые могли бы быть проводниками советской юстиции. Для этого были созданы юридические отделы при губернских и уездных исполкомах и в начале 1918 г. был созван 1-й съезд комиссаров юстиции Московской области.

Первый съезд комиссаров юстиции.

Первый же съезд показал, что всюду на местах в Московской области старый судебный аппарат был разрушен и в ряде городов были сделаны серьезные шаги к организации местного народного суда. Характерно отметить, как любопытный штрих отсутствия связи с Петроградом, следующий факт. В Харькове декрет о суде № 1 был проведен в жизнь в декабре 1917 г., причем, судебная палата и окружный суд были упразднены, все дела были приняты комиссаром, о чем он сообщал Московскому комиссариату по судебному ведомству.

Народный Комиссариат Юстиции РСФСР.

Вскоре после 1-го съезда комиссаров юстиции состоялся переезд Совнаркома и всего центрального правительства в Москву и дальнейшую работу мне лично,—сказал в заключение тов. Курский,—уже пришлось вести в НКЮ; Московский же комиссариат временно перешел к левым эсерам, которые тогда еще принимали участие в советской работе, и во главе Комиссариата юстиции Московской области стал левый эсер Шрейдер. Наркомюсту пришлось впоследствии, после разрыва левых эсеров с советской властью, внести в работу московской юстиции ряд коррективов. Комиссариат Московской области был преобразован в юридический отдел Московского совета, в котором работал покойный тов. Чегодаев. В лице последнего Наркомюст имел одного из преданных и энергичных работников в наиболее трудный период организации юстиции.

ЧЕРЕЗ ПЯТЬ ЛЕТ.

В ноябре 1917 года был опубликован декрет № 1 о суде, который гласит:

«Упразднить доныне существующие общие судебные установления, как-то: окружные суды, судебные палаты и правительствующий сенат со всеми департаментами, военные и морские суды всех наименований, а также коммерческие суды, упразднить доныне существовавшие институты судебных следователей, прокурорского надзора, а равно и институты присяжной и частной адвокатуры».

Сами местные суды тем же декретом образовывались на основании выборов местных районных, волостных, уездных и губернских советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов в составе народного судьи и двух народных заседателей по спискам, составляемым этими же советами. Одновременно закон допускал в роли обвинителей и защитников по уголовным делам и поверенных по гражданским делам всех неопороченных граждан обоюбого пола без требования от последних какого-то ни было стажа или образовательного ценза.

В особом примечании декрет признавал отмененными законы прежних правительств, которые противостоят программам-минимум социалистических партий.

Это была целая революция.

Одним взмахом вставший у власти рабочий класс упразднил все орудия подавления и гнета, которыми бывший режим охранял свои права и боролся против освободительных стремлений пробуждавшегося сознания революционных трудящихся масс. На место их он поставил свои учреждения, наполнил их своим содержанием, создал свои суды и, как их основное и коренное отличие, выдвинул на первое место **классовый** принцип их организации, предоставив безконтрольное право выбора и отзыва судей советам, как органам своей классовой диктатуры.

За это был объявлен всеми старыми спецами **бойкот** пролетарскому суду, за это были объявлены мы под запретом, за это всему свету была объявлена врагами рабочего класса ложь и клевета на бессудие Советской России, на «безправие» в ней ее «граждан», о поправках советской властью всех достижений «культуры» и «науки» даже в тех формах, которые были даны блаженной памяти императором Александром II-м в его приспомянутых судебных уставах 1864 года. Рабочая Россия продолжала тем не менее и несмотря на эти вопли строить и совершенствовать свои суды, много раз меняла их структуру, но верная основному принципу—классовому началу, положенному в их основу, полагаясь на революционный инстинкт и совесть рабочих судей, продолжала бороться при помощи своих судов против своих врагов и... одержала полную победу. Последние законы писались уже по приказу и под указку советской власти «принявшими уже пролетарский

суд» спецами, покоренными под свои «нози» советской властью.

Так прошло **пять лет**.

Уголовный Кодекс, Процессуальный Кодекс, Гражданский Кодекс, Кодекс Земельный, Кодекс законов о труде, новое Положение о судостроительстве, подготавливаемый к изданию Гражданско-Процессуальный Кодекс, Положение о красной прокуратуре, Положение об адвокатуре сменили прежние короткие, выпуклые нормы первого декрета. И враги, правда, из другого лагеря, сейчас и на иной мотив, но все же вопят опять старую песню.

«Они изменили, они воссоздали снова прежние законы, они восстановили прежнее крючкотворство и условности старого суда, они восстановили кастовую прокуратуру и адвокатуру, взяли под защиту закона нэпмановские интересы, они сожгли все, чему поклонялись, и поклонялись тому, что сожгли...».

На эти крики, вопли и упреки нам нечего, конечно, отвечать.

Да, мы создали свои законы, мы развили, систематизировали, привели в порядок то, что издавалось нами не раз, от случая к случаю в течение этих пяти лет, мы видоизменяли и видоизменили и законодательство 1918—1920 годов, создали новые законы эпохи 1921—22 г.г., создали мощный аппарат надзора за исполнением наших законов; да, мы взяли и берем под защиту наших законов всех, кто бы он ни был, если он лояльно их исполняет, **но мы ни в чем не отступили** за эти годы в том, что составляло и составляет наше основное отличие от прежних, пусть даже архидемократических, если таковые только были, судов прежнего порядка. В наших судах **решает дело** выборный и подконтрольный совету рабочих депутатов народный судья, одну и одесную коего ему в помощь **сидят заседатели с фабрик и заводов от сохи и от стачки**, контролируемый в дальнейшем такими же судами высшей инстанции, но построенными из **тех же самых** элементов. Наши красные прокуроры на 60% из рабочих и на все 100% с испытанным революционным прошлым. Прежние адвокаты работают с нашего ведома и **под нашим контролем**. Наши законы построены на основе наших принципов и право собственности—это самое священное и нерушимое право для буржуа, его фетиш—согласно первой статье нашего Гражданского Кодекса объявлено, как **условное** право. Ни одного шага назад, ни одного шага отступления в этой области нами не сделано за истекшие пять лет. И даже более того: мы пошли вперед.

Сравните декрет о суде № 1 хотя бы с новым Положением о судостроительстве. Декрет № 1 от 1917 г. еще говорит о «демократических выборах» судей, трактует о допущении защиты в стадии предварительного следствия, декрет о суде № 2 от февраля 1918 года еще строит выборную вторую кассационную инстанцию из окружных судей. В

этих декретах мы еще найдем остатки влияния идей старой либеральной буржуазной школы, стремившейся, прежде всего, оградить не целое, не интересы государства, а личность. Новое Положение о судостроительстве, под знаменем которого вступила Республика в шестой год своего существования, наоборот, резко и выпукло на первый план подчеркивает и ставит не принцип «выборности судей населением», а принцип **отбора** руководящими центрами пролетарской диктатуры—советами—**судей**, как исполнителей воли целого, как орган борьбы за это целое, за соблюдение и охрану изданных им законов против **всякого** и всех нарушителей последних. На том же принципе построен порядок избрания народных заседателей, на пятьдесят процентов формируемых исключительно из рабочих. Сами суды и вся судебная система построены, как строго централизованный аппарат, как грозная сила, стоящая на страже. В эпоху ожесточеннейшей гражданской войны, в эпоху борьбы экономической с нэпмановской буржуазией, в эпоху диктатуры **иначе** строить судебную систему—значит, заведомо **сдавать позиции**, значит, делать **глупость**, могущую иметь тяжелые последствия, а такой роскоши в эпоху борьбы пролетариат и его руководящие органы делать не вправе.

Гражданская война сорвала много иллюзий, уничтожила много фетишей, прояснила сознание сотен тысяч, в том числе она разбила и окончательно развеяла и иллюзии **о надклассовой юстиции**.

Мы строим классовую юстицию и в этом **наша сила**.

Правда, мы не отвергаем целиком и старое законодательство и, беря из него то, что в нем признали ценным, взяли принцип гласности и публичности процесса, состязательное начало, дали относительную независимость и самостоятельность судьям, поскольку абсолютную несменяемость и независимость мы принципиально отвергаем, как принцип ложный в своей основе и фактически никогда не могущий быть осуществленным. Суть в том, чтобы не связать судью до времени готовым решением, а не в том, чтобы оставить его на месте даже после того, как он окажется по сути выносимых им решений явно непригодным для тех целей охранения наших законов, для которых он поставлен.

Мы сознательно отвергаем принцип так-называемого суда присяжных, как принцип **отделения** суда совести от суда факта, и сливаем в единую судебную коллегия и народных заседателей, и постоянного народного судью. Только **недоверием к своим** собственным судьям можно объяснить требование такого разделения; у нас этого недоверия нет и наш народный судья так же, как и наши народные заседатели призваны делать одно дело и **вершить наш один и тот же пролетарский суд**.

Не следуя мертвой букве закона на разделение кассационного и апелляционного производства и допуская вперед, что и наши судьи могут ошибаться, мы широко раздвигаем рамки кассационного разбирательства, вводя туда не раз и чисто апелляционные мотивы, как жалобы на недостаточную полноту следствия или на явную несправедливость приговора. Это мы не выдвигаем как абсолютный, данный раз на веки принцип. Пройдет время, быть-может, мы откажемся от него, быть-может, сохраним **гибкость** нашей судебной системы **для данного периода**.

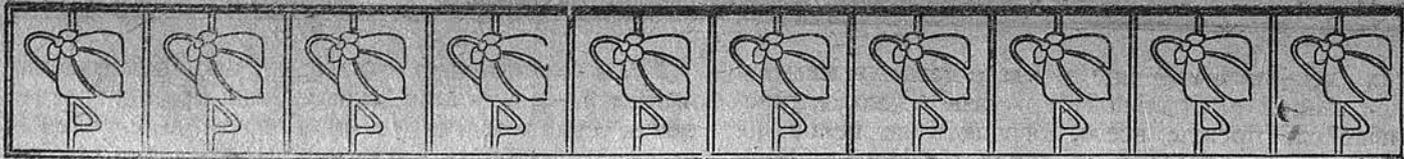
Таков вчерне набросанный тот цикл идей, который внесла в судостроительство наша революция. Это только часть. Мы не затронули в малой дозе того, что она дала в области **материального** права, уголовного и гражданского, того, что мы дали в области построения нашего хозяйства и организации промышленной структуры, то, что и как мы строили в 1918—1920 г. и что мы строили и строим в 1921—1922 годах. Это все еще не устоялось, не урегулировано, еще нуждается в обработке. Мы ничего не говорим здесь о том, что мы дали в области государственного права и его проблемах в области права международного, не говоря уже о «высоких» дисциплинах их философии права.

Можно сказать одно. Через пять лет мы вступаем в бой сильными и мощными, ясно сознающими то, чего мы хотим, знающими то, что делаем. А это все. С таким сознанием и так вооруженные мы не боимся никаких врагов и, оглядываясь сейчас назад, подобно Богу Саваофу после дел творения, сможем сказать, что все, что сделали мы, сделали хорошо.

Но только почивать от дел творения мы, как Саваоф, не будем. Работы много. За работу же...

Н. Крыленко.

Пять лет работы совнарсудов.

Декрет № 1 о суде вызвал к жизни так - называемые местные суды, которые были объединены уездными с'ездами местных судей. Подсудность этих судов определялась по гражданским делам штрафом до 3.000 рублей и по уголовным мерой наказания до 2-х лет лишения свободы, что почти было одинаково с подсудностью упраздненных мировых судебных учреждений. Декрет даже предусматривал, что «прежние мировые судьи не лишаются права, при изъявлении на то согласия, быть избранными в местные судьи, как временно советами, так и окончательно на демократических выборах». Разумеется, огромная разница оказалась в статусе самой работы судов. Введена была коллегиальность суда; уничтожена система апелляционного обжалования; упразднены институты судебных следователей, прокурорского надзора, институты присяжной и частной адвокатуры. Предварительное следствие по уголовным делам было возложено на местных судей. Что же касается действовавших до революции законов, то о дальнейшей их судьбе было недостаточно ясно указано в декрете, а именно, что суды «руководятся в своих решениях и приговорах законами свергнутых правительств лишь постольку, поскольку таковые не отменены революцией и не противоречат революционной совести и революционному правосознанию. В примечании к ст. 5 декрета было указано, что «отмененными признаются все законы, противоречащие декретам ЦИК Советов Раб., Солд. и Кр. Деп. и Рабочего и Крестьянского Правительства, а также программой-минимум РСДРП и ПСР».

Кассационной инстанцией для местных судов являлся уездный с'езд местных судей, а в столицах — столичный. Даже название «с'езд» было позаимствовано от только-что закрытых «с'ездов мировых судей».

Чувствуется ли в декрете № 1 мощная сила организующегося классового суда? Чувствуется, но еще не вполне. Это только первый шаг, очень решительный в смысле ломки старого, но весьма робкий и не совсем ясный в смысле нового строительства суда. Что же, создается классовый суд? Как-будто нет: прежние мировые судьи приглашаются остаться на местах, для чего декрет № 1 изобрел оригинальную формулу: «прежние мировые судьи не лишаются права, при изъявлении ими на то согласия, быть избранными в местные судьи...». Избрание предполагается «временно советами и окончательно на демократических выборах».

Чтобы судить о перспективе демократических выборов, достаточно указать, что те законы, которые не противоречили программам - минимум РСДРП и партии СР, сохраняли полную свою силу. Между тем, еще до издания декрета № 1 было уже слишком хорошо известно, на какой стороне баррикад оказались эсеры и меньшевики.

В такой обстановке начали действовать уезд-

ные советы местных судей. Первые шаги их были очень тернисты. Раньше всего, оказалось, что местные судьи, которые, по большей части, только-что состояли мировыми судьями, совершенно не знают программы-минимум социалистических партий, а в лучшем случае рискуют попасть в очень затруднительное положение, если на практике обнаружатся случаи противоречий между программами. Самым главным тормазом в деятельности с'ездов местных судей явилось отсутствие судопроизводственных правил, нарушение которых явилось бы поводом для кассации решения или приговора.

Эти сомнения были предметом обсуждения на с'ездах местных судей и в организационных совещаниях. Сначала было неизвестно, какие именно нарушения судопроизводственных законов со стороны суда могут влечь за собой отмену решений и приговоров. Гражданское же судопроизводство, как заключающее в себе ряд формальных постановлений, повидимому, можно было считать совершенно упраздненным. Справляться было не у кого. Центр давал местам неограниченную свободу в деле проведения в жизнь судебной реформы.

К чести с'ездов местных судей, нужно отметить, что, в общем, они справились со своей задачей и подготовили на основании своего опыта обширный материал, который позволил центру в последующих декретах о суде определить, в каких случаях можно кассировать решение или приговор. Уже в декрете № 2, изданном 21 февраля 1918 г., т.-е. через 2 месяца после декрета № 1, в главе о кассации решений, в ст. 5, было определено, что «при обжаловании в кассационном порядке суд имеет право отменить решение не только по формальным нарушениям, признанным им существенными, но и в том случае, если признает, что обжалованное решение **явно несправедливо**». Хотя правила декрета № 2 предназначались для окружных народных судов, но, по аналогии, они принимались к руководству и местными народными судами. Нет сомнения, что ст. 5 явилась результатом накопленного опыта, хотя бы и непродолжительного, и фактически сохранилась в последующих декретах о народном суде, в ст. 91 (в редакции декрета 27 октября 1920 г., «Собр. Уз.», № 83, 1920 г.). Даже новый Уголовно-Процессуальный Кодекс в п. 4 ст. 359 и в ст. 363 обозначает явную несправедливость приговора, как одно из оснований к отмене приговоров в кассационном порядке.

II.

Так, стихийно, оцупью стали действовать наши суды и их уездные с'езды. Первые шаги были неуверенные, не было точной, четкой линии. Декрет № 2, изданный в период господства левых с.-р. в Народном Комиссариате Юстиции, совершенно децентрализовал и распылил органы юстиции.

создав бесконечное множество кассационных судов в лице уездных с'ездов местных судей и отгородив китайской стеной от местных судов свое детище—окружные народные суды с их областными кассационными инстанциями и Верховным судебным контролем (ст. 6), который был призван заниматься академической работой—толкованием законов и вынесением объединяющих принципиальных решений. Автономия судов оказалась беспредельной, начиная с выборов членами суда председателя суда, председателей отделений и членов областного суда, кончая такими же выборами председателя окружного народного суда и председателей отделений. Верховный судебный контроль—орган, составляемый из представителей областных судов, по избранию членами этих судов,—орган абсолютно независимый от Народного Комиссариата Юстиции. Ст. 6 определяет, что «отменять решения Верховного судебного контроля может **только законодательный орган советской власти**». Что же касается самой деятельности областных судов и Верховного судебного контроля, то ст. 37 предоставляет Народному Комиссариату Юстиции лишь право определять границы для областных народных судов, число членов их, а также число членов Верховного судебного контроля; главное—созыв первых сессий их. Ст. 37 заканчивается словами: «В дальнейшем порядок действия этих судов **устанавливается ими самими**».

Лето 1918 года представляет в области работы совнарсудов период какой-то разброда мысли, какой-то неопределенности цели и задач суда.

Брестский мир, восстание левых с.р., белогвардейские восстания в разных местах, оккупация значительной части территории немцами, меньшевистское наступление изнутри, белогвардейская опасность отовсюду—все вместе заставило правительство усилить централизацию государственной работы и вызвало необходимость в ряде мероприятий экономического характера. Не могло быть и речи о том, чтобы в такой обстановке оставить аппарат суда в виде автономных учреждений, лишь формально зависимых от советов, но фактически оторванных и обособленных от них. Ни обвинительной власти, ни централизованного органа для борьбы с преступностью не существовало. Обвинитель приглашался судом из коллегии правозаступников для **каждого отдельного дела** (ст. 26), так что о преемственности в работе обвинителей не могло быть и речи. Рядом с этим, ст. 31 определяла, что «жалобы не допускаются на оправдательные приговоры, на смягчение наказания и на полное освобождение обвиняемого от наказания». Очевидно, что репрессия судов была крайне незначительна. О классовом подборе судей нечего было и думать при наличии заключительной в декрете № 2 статьи 39, являющейся своего рода заключительным акордом, что «деятели упраздненных судов имеют право быть избранными в новые судебные установления». И если вспомнить, что от этих судебных деятелей часто зависело признать, что те или иные судопроизводственные законы не устарели и не бур-

жуазны, то ясно, что с таким судом далеко идти нельзя было.

III.

Положение о народном суде от 30 ноября 1918 года является поворотным пунктом в истории нашего суда. Была провозглашена идея единого народного суда, как цель, к которой нужно стремиться, но которая, по условиям времени, еще неосуществима. Пока же, как первый этап к этой цели, были объединены местные суды с окружными народными судами и организован народный суд с участием двух и шести народных заседателей.

Уездные с'езды местных судей—это наследие старых с'ездов земских начальников, а потом мировых судей,—были упразднены и больше ни разу ни на с'ездах, ни в литературе не возникает мысли об их восстановлении. Вместо них впервые создаются губернские советы народных судей. Отдается дань демократизму—выборы президиума совнарсуда производится на с'езде нарсудей губернии. С этого времени начинается работа совнарсудов, как органов кассационного надзора.

В своей статье «Наш кассационный суд»*) я подробно остановился на деятельности совнарсудов за истекшие годы. Статья преследовала тогда определенную цель—доказать путем анализа работы совнарсудов, что нам не надо восстанавливать апелляционной инстанции, что совнарсуд фактически сумел совместить кассационные функции с апелляционными. В течение последнего года, когда многие готовы были брать старые образцы для реформы суда, была опасность, что будет выдвинут проект об апелляционной инстанции. Мельком такая мысль была высказана еще в прошлом году в обществе юристов-марксистов, затем был представлен в совещание при 2-м Отделе НКЮ проект об апелляционной инстанции для гражданских дел. Такое предложение было отвергнуто совещанием—и дальше не пошло.

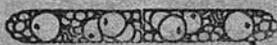
С чувством удовлетворения можно отметить, что совнарсуды, как судебный аппарат надзора и кассационного контроля, оказались достаточно вооруженными, чтобы исправлять неправильные или несправедливые приговоры. Ныне совнарсуд, как кассационная инстанция, сохраняется в новой системе судостроительства и полностью войдет в состав губсудов, как кассационное отделение.

Закончу теми же словами, которыми я закончил статью «Наш кассационный суд»:

«Совнарсуд, как близкая к населению кассационная инстанция, куда вызываются тяжущиеся, оправдал свое существование. В настоящий период ломки ряда учреждений, созданных в периоде революции, не следует разрушать крепко осевшие и глубоко вросшие своими корнями, как совнарсуд... Не надо разрушать в порыве увлечения то устойчивое, жизненное и крепкое, что у нас есть и что создано было в стихийном наступательном развитии новых форм пролетарского суда».

И. Славин

*) „Материалы НКЮ“, № XV

Послеоктябрьские эскизы.

Трудно в коротком воспоминании изложить последовательное развитие Московского революционного суда. В памяти остались лишь обрывки пережитого, обломки некогда ярких образов и лишь некоторые имена. Пусть товарищи, принимавшие участие в строительстве новых судов, дополняют их своими набросками. Будущий, а может-быть, и современный историк соберет эти наброски и в систематическом изложении даст исторический очерк развития современной системы. Мне хотелось бы дать лишь небольшие эскизы, может-быть, не связанные друг с другом, проникнутые личными переживаниями работника, которому приходилось ломать старый царский суд и закон, строить фундамент, на котором впоследствии выросло стройное здание современной судебной системы, как органа диктатуры пролетариата.

Октябрьский переворот застал меня на посту председателя следственной комиссии, созданной на 2-й день после Октябрьского переворота при Замоскворецком ревкоме, во главе которого стоял ныне покойный товарищ, бывший профессор астрономии П. К. Штернберг. Следственная комиссия вела не только следствия, но и творила революционный суд. Революционная борьба, бушевавшая на улицах Москвы, очень скоро определила и направление нашей судебной политики. Революционный террор, окрасивший последующую нашу судебную систему, благодаря отчаянному сопротивлению буржуазии, стал неизбежным чуть ли не на второй день борьбы. И он всплыл из недр самих восставших масс, прежде, чем он был уже много позже декретирован Рабоче-Крестьянским Правительством с предоставлением прав применения расстрела органам ЧК и ревтрибунала. Расстрел был применяем следственной комиссией Замрайона, как мера уничтожения опасных для революции элементов. Чуть ли не на 4—5 день революции постановлением ревкома был расстрелян шоффер-красногвардеец за производимые им грабежи и налеты. Для революционера, честно желавшего победы пролетариата, хотя бы до сего принципиально отрицавшего смертную казнь и чувствовавшего к ней отвращение, применение в этот исторический момент террора было необходимо. Восставшая пролетарская и солдатская масса требовала его организованного применения, он предупреждал возможность стихийных самосудов с белогвардейцами. Должен отметить, что следственная комиссия применяла его в редких случаях и то почти исключительно к бандитам. Пусть это запомнят те, которые вышли невредимыми из указанной комиссии, но впоследствии оказались в рядах армии Колчака, Деникина, Каледина и других царских генералов, пусть запомнят также злословившие на большевистский террор меньшевики и эсеры и пусть они знают, что единственно, в чем можно винить пролетарскую власть, это только в излишней мягкости, проявленной к врагу. Только что осенними дождями смыта с

мостовых Москвы кровь рабочих. Едва затихли похоронные марши, под звуки которых мы опустили в могилы под стенами Кремля павших товарищей, как закипела работа. Необходимо было спешно устанавливать новый порядок. Еще до издания первого декрета о народных судах и трибуналах районная следственная комиссия решила занимать б. мировые суды. Но где взять юристов, готовых служить революции? Интеллигентский саботаж особенно был сильно развит в среде судебных работников. Только отдельные единицы взяли на себя выполнение новой трудной задачи.

Камеры бывших мировых судов в большинстве оказались запертыми на замок. Под угрозой ареста вызывались мировые судьи и следователи и от них принимались дела. На своем посту остались лишь курьеры, да изредка кое-кто из канцелярского персонала.

Вот всплывает в памяти картина многолюдного районного собрания, где делают доклад о нарсуде и обсуждаются выставленные мною кандидаты в нарсудьи Замрайона. Рабочие с сознанием важности задачи тщательно обсуждают и взвешивают каждую кандидатуру, с напряженным вниманием выслушивают доклад о значении нового революционного правосознания и роли народных заседателей.

Из прибывших 10—12 человек заседателей выбираются по закону 2 заседателя, которые вместо отмененной царской присяги дают импровизированное торжественное обещание-подписку, в которой судьи обязуются разбирать дела в интересах пролетарской революции. Неловко чувствуют себя товарищи-рабочие, которым в первый раз в жизни пришлось сесть на судейские кресла. Бывали случаи, когда заседатель, особенно женщина-заседатель, в смущении просила освободить ее от роли судьи. Несколько слов товарищеского обращения и рабочие-заседатели скоро осваиваются с своей новой ролью и начинают принимать деятельное участие в судебном разбирательстве, нередко проявляя не только житейскую смекалку, но, подчас, пролетарский юмор. Защитником и обвинителем мог выступать любой гражданин.

Вот опять бытовая картинка. Перед судом предстала работница по обвинению в мелкой краже мануфактуры. Беспомощно озирается она по сторонам. Спрашивают присутствующих, не пожелает ли кто-либо из публики выступить обвинителем или защитником. Вижу подходит, как впоследствии выяснилось, бывший молодой адвокат-меньшевик, пришедший, вероятно, поглазеть на большевистский суд. Просит дать ему слово. Видно, торжественная обстановка, невиданного до сего революционного суда, проникнутого глубоким смыслом революционного пролетарского творчества, сразу сломила саботаж неискушенного в меньшевистской подлости адвоката и он, защищая работницу, растроганным голосом говорит о своей вере в победу революции. Впоследствии этого товарища я встретил в рядах Коммунистической партии.

Несмотря на то, что в заседатели попадали преимущественно беспартийные рабочие, классовый характер нарсуда проявлялся на первых же делах.

Перед судом стоит замоскворецкий акула—булочник, обвиняется в спекуляции и недоброкачественной выпечке хлеба. Приговор: булочную конфисковать, а его самого оштрафовать на 10.000 руб. в пользу детских приютов, а в случае невзнос штрафа в 3-х дневный срок посадить на один год.

Вот перед судом рабочий-подросток с фабрики «Циндель», похитивший пять аршин ситцу. «Нехорошо, товарищ, так поступать, ты—будущий строитель; ведь, это все наше»—явилось приговором рабочего суда.

В Пятницком участке слушалось дело по обвинению рабочего Махниковского видным меньшевиком Тейтельбаумом в нанесении последнему пощечины. В качестве заседателей—беспартийные рабочие и работница. Допущена защита с той и с другой стороны. На судебном следствии выясняется, что 5 января 1918 г., в день меньшевистской демонстрации против власти советов, когда рабочие вели в районный совет пойманных с поличным замоскворецких меньшевиков, в том числе Тейтельбаума, последний невыносимой площадной руганью по адресу советской власти вызвал отпор со стороны возмущенного рабочего Махниковского, который ударил Тейтельбаума по лицу. Заседатели, сделав внушение Махниковскому, оправдали его, а меньшевики вышли из зала суда пристыженными.

Тотчас после Октябрьского переворота был организован Московский ревтрибунал, первым председателем которого был избран тов. Берман, один из немногих, 4—5, московских адвокатов, ставших сразу на сторону революции. При трибунале существовала следственная комиссия и был свой отряд. Аппарат трибунала был приспособлен не только для суда, но и для ведения розысков, а также пресечения преступлений. Заместителем Бермана был избран тов. Илья Шикцивадзе, уважаемый всем Замоскворецким районом работник.

При Московском трибунале было организовано отделение по делам печати, назначение которого было в конце пресекать потоки клеветы и контрреволюционной агитации, лившиеся со страниц буржуазных газет.

В отличие от современных трибуналов первый трибунал действовал в составе председателя и 6 народных заседателей, выбираемых советами. Характерной чертой Московского трибунала первой эпохи является отсутствие приговоров с высшей мерой наказания. Следует отметить, что последняя применялась, преимущественно, органами ВЧК. Расстрел, как мера судебной репрессии, был применен в трибунале впервые уже в конце 1918 года

по делу Косырева. Во второй половине 1919 г. и позже, когда борьба с интервенцией обострилась, трибуналы стали действовать в составе троек. Террор стал применяться в Московском трибунале довольно часто. В 1918 году, в бытность мою председателем трибунала, деятельное участие в работе последнего принял бывший главковерх тов. Крыленко, который в своих талантливых революционных речах набрасывал первые образы революционного судьи и обвинителя. Особенно запечатлелись его первые судебные речи по делу бывшего наркома тов. Дыбенко, трибуналом оправданного, по делу бывшего зампреда контрольно-ревизионной комиссии ВЧК Косырева, расстреленного трибуналом, как бывшего бандита и взяточника, и по делу царского прокурора Вилпера, известного в качестве вдохновителя нашумевшего некогда процесса Бейлиса, обвиненного Вилпером в ритуальном убийстве Ющинского...

В Московском трибунале побывали меньшевистский папаша Мартов, осужденный трибуналом за клевету в печати, и член ЦК эсеров Мария Спиридонова, направленная приговором трибунала ввиду неуравновешенного, болезненного ее душевного состояния в санаторию. По ее делу в качестве свидетеля, своего рода эксперта, выступал тов. Бухарин, двухчасовая речь которого, давшая характеристику политической физиономии Спиридоновой, как своего рода политической кликуши, легла в основу приговора. Целый ряд товарищей, ныне стоящих во главе работы Наркомюста: тов. Курский, Лисицын, Смирнов и другие имена, которых трудно воспроизвести в наспех набросанных воспоминаниях, в своей напряженной работе создавали новую революционную юстицию, давшую целую плеяду рабочих-юристов, стоящих ныне во главе народного суда не только в Москве, но и в других местах Республики. Несмотря на тяжелые испытания, которые пришлось пережить работникам юстиции в течение пяти лет, создан мощный орган диктатуры пролетариата—советский суд, вполне способный защищать интересы рабочих и крестьян и давать отпор всякой попытке буржуазии и белогвардейщины отнять у трудящихся завоевания революции.

Так, революционным судьям, не вооруженным законами, без опыта, на основании исключительно коммунистических убеждений и революционного сознания необходимости укрепить власть пролетариата,—приходилось разбивать старые скрижали царского гнета и господства капитала и в поисках коммунистической правды утверждать новое право, защищать которое всегда готовы организованные в Красную армию и армии труда рабочие и крестьяне под знаменем Коммунистической партии.

Дьяконов.

На другой день после Октябрьской революции.

Умолкла пушечная пальба, не слышно более ружейной перепалки, но воздух как-будто наполнен еще созвучиями, то короткими, то тягучими... Ухо еще настораживается, силясь приять трескотню пулеметов... Нервы напряжены... И как-то странно, что на самом деле все уже кончилось. Октябрьские битвы остались позади. Пройдены эти великие дни, дни отчаянной и манящей борьбы почерневших от пороха пролетариев с золотонгонным, крестоносным капиталом.

Битвы кончены... Битвы выиграны...

Впереди строительство. Напряжение, энергия, труд, много, много труда, но... с винтовкой в руках. Бодро приступают пролетарии к стройке. Железная спайка сплотила ряды их.

Декрет о земле. Декрет о труде. Декрет о суде. Все старое на смарку.

Да здравствует новый пролетарский суд.

С шипением, с скрежетом зубовым забивается в мешанские углы «судейское» сословие.

С разрушителями старого суда оно не желает работать. Оно утешает себя мыслью близкого конца пролетарского господства. Оно присматривается, с кем можно будет скоро расправиться. Оно саботирует.

У пролетариата есть свои силы. Смена победившего класса встает на часы.

Саботаж заядлых буржуа и их присных надломлен. Не хотят, — не надо. Да так и лучше. Приступи они к работе, что было бы от этого пользы. Немного. Разве только мы получили бы выигрыш времени.

Итак, за работу, за строительство нового суда.

За работой...

В начале декабря 1917 года московский пролетариат приступил к созиданию своего рабочего суда. Трудное было время. Саботажники не только не хотели работать, но оставили после себя наследие, на разбор которого пришлось положить немалое сил.

Сплоченность саботажного фронта отличалась и единством его. Доходило до таких курьезов, что, например, «забастовавшая» вместе с другими, но не потерявшая совести бухгалтерша московской судебной палаты при добровольной сдаче ею ключей от несгораемого шкафа деятелям Московского комиссариата по судебному ведомству просила обставить этот акт элементами принуждения, очевидно, «про запас». Но и этот «подвиг» был единственным исключением. Из старого чиновничества

московского окружного суда и судебной палаты ни одна живая душа не откликнулась, не отозвалась. Все умерло.

Беспорядок, хаос, картина разрушения представлялась взорам новых лиц, пришедших строить пролетарский суд.

Замершие залы и кабинеты московских судебных установлений стали быстро оживать. Небольшая, на первых порах, горсточка людей стала быстро пополняться новыми подкреплениями. Работа развертывалась. Одни форсировали разбор нерассмотренных старых дел, другие всецело отдали себя живому делу строительства нового суда.

От старого не осталось камня на камне. Мысль кипела в разных направлениях. Нужно было организовать районные суды, а для этого требовалось много. Не везде были готовые помещения, недостаточно было товарищей, которым можно было бы доверить район, всех необходимо было инструктировать и во всех областях. Как принять камеру, как наладить делопроизводство в ней, как обставить процесс, чем руководиться, и многое, многое.

Всему уделял внимание Московский комиссариат по судебному ведомству во главе с тов. Д. И. Курским. Тов. Черлунчакевич развил бешеную деятельность по организации районных судов. Везде сам, даже в мелочах, наставлял, инструктировал, учил. Громадная его заслуга — организация Московского совета народных судей. С неустанной энергией провел он в Комиссариате по судебному ведомству длинный ряд собраний московских народных судей. До мельчайших деталей обсуждались здесь вопросы о подсудности, о территориальном делении, о подборе работников, о распределении функций, о борьбе с уголовным элементом, о карательной политике. От раза к разу все полнее и тверже инструктируемые расходились товарищи по районам с горячим желанием до конца, во что бы то ни стало осуществить пролетарскую волю на судебном поприще.

А в другом месте того же колоссального здания судебных установлений (ныне в нем Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет) тов. Берман наводил по Москве революционный правопорядок, возглавляя Московский революционный трибунал. Трибунал было легче построить. Его структура, его процессуальное выражение вытекало безоговорочно из самого смысла революции. Это не совнарсуд, где судопроизводство надо было обставить определенными гарантиями.

А там, вглуби одного из бесконечных коридоров, работала очень маленькая армия пролетарских тружеников, разбираясь в уголовном наследстве навеки похороненного старого суда. Горы следственных производств, килы подготовленных

к слушанию дел, грома неприведенных в исполнение приговоров и все... в хаотическом беспорядке. Надо все разобрать, рассортировать, классифицировать—направить к доследованию, подготовить к распределению по районам, прекратить, пересмотреть. И всем командует неутомимый, живой и порывчатый, как сама революционная борьба, тов. Богров. Ему помогает тов. Костецкий.

В гражданских присутствиях мертвящая тишина. Спят мирным сном производства. Тяжелый кулак пролетариата поразил их. Но покойный тов. Чегодаев за работой. Много надо подготовить. Вопросы гражданского состояния, вопросы нотариата, необходимость регулирования в области третейского разбирательства и многое другое—требуют своего разрешения.

А. семейные отношения. Ведь, их надо регламентировать в новом виде. Пролетарская революция застала их такими же старыми, как и сам дряхлый буржуазный мир. Вопросы брачного права, находившие свою усыпальницу в недрах московской консистории, столкнулись с противоположным мирозерцанием и получали иное разрешение, иное претворение в жизнь.

Неустанно трудится в этой области, инструкцию за инструкцией разрабатывает тов. Белкин, облегчая пришедшим к судебному столу прямо от станка и молота пролетариям их трудную, чуть не непосильную работу.

Разбившаяся по отдельным товарищам работа концентрируется в руководителе ее, тов. Курском.

Проводится в жизнь декрет о суде. В нем провозглашены основы классового суда. А ведь, надо немало умения претворить его в жизнь и претворить так, чтобы старый саботажный мир не нашел бы ни одной прорехи, которую можно было бы использовать в его сторону.

Строитель должен быть дальновидным, иначе здание его может оказаться построенным шатко и от первого порыва ветра рухнуть. Нужно рассчитать, нужно предвидеть. Обширно и ответственно поле деятельности руководителя, но зато и благодарна задача, выпавшая на его долю.

Суд—огромное здание. Его архитектура, его архитектуроника—сложны. И не в один сезон его построишь. Требуются многие годы.

Фундамент заложен. Основы декретированы.

В Москве начинают функционировать районные суды. Одни осторожно, другие с революционной дерзостью открывают свои двери. Быть-может, неумело, быть-может грубо, но с твердой, несокрушимой верой в правоту своего дела приступают дерзновенные пролетарии к овладению судебным аппаратом. Им нужна поддержка, нужна помощь. И Комиссариат по судебному ведомству не покладает рук, горя желанием выполнить все возможное в эти трудные дни существования пролетарской диктатуры.

В Москве работа налажена, правда, относительно, по революционному, но все же налажена.

Территориальные завоевания пролетариата ширятся. За Московской губернией идет ряд охвативших столицу кольцом губерний—Московская область.

Обширное поле деятельности.

И здесь первый клич прокатился. В Москве собирается первый съезд работников юстиции Московской области.

Живо припоминается тот жгучий интерес, с каким приступили к работе съехавшиеся, правда, не в большом числе, представители центральной России.

Информация о положении на местах.

Поделиться данными, впечатлениями, обсудить, взвесить—все это имеет свою положительную пользу.

Как штрих запомнилось выступление, кажется, тов. Михайловского из Зарайского у. Рязанской губ. Он отметил, между прочим, что в их благословленном крае тюрьма буквально пустует и пока нет надежды на ее заполнение.

Оживленно проходили заседания. Деловито вел их тов. Курский, заполнял своими докладами, информацией тов. Черлунчакевич.

Ко многому приобщившись, проникшись единством воли пролетарской, раз'езжались представители с мест, сопровождаемые напутственным словом председателя съезда, призывавшего с железной энергией осуществлять на местах диктатуру пролетариата.

Совнарком переезжает в Москву.

Пролетариат вместе с своими верховными органами бронируется в сердце России от оскаливших свои кровожадные пасти многочисленных хищных врагов.

Трудность связи, руководства из центра, наряду с местными тенденциями не отстать от центра в строительстве пролетарского государства,—создают у близких и отдаленных окраин федералистические устремления. Не отстают и близлежащие к столице области.

В такт с ними идет и Москва с центральной областью. Она даже создает свой совнарком, а в числе его органов и Народный Комиссариат Юстиции Московской области. Комиссариат явился преемником Моск. комиссариата по судебному ведомству и продолжателем его работы.

Это была эпоха недолгого сотрудничества левых эс-эров с большевиками. Во главе Комиссариата стал левый эс-эр, ныне находящийся в стане врагов Советской Республики Шрейдер. (Тов. Курский в марте 1918 года был назначен заместителем Народного Комиссара Юстиции Республики). Работа шла все также энергично, правда, с некоторым привкусом лево-эсэровщины.

Думается, что левые эсэры были первыми рассадниками бюрократизма в советских учреждениях. Во всяком случае, таково впечатление, оставшееся от этого недолго просуществовавшего комиссариата.

Кстати, будущий историк первых лет пролетарской Республики, вероятно, свяжет лево-эсэровское сотрудничество с усилением сепаратических и федералистических тенденций мест.

**

В апреле или мае 1918 года состоялся второй съезд деятелей советской юстиции. Съезд был многолюднее первого и характернее по составу участников.

Вместе с тем наступала эпоха развертывавшейся гражданской войны. События на Волге.

На съезде выступал с большой речью тов. Крыленко. Речь его вращалась вокруг вопроса о борьбе с начинавшей наступать буржуазией. Крепкая, сочная, бодрящая и призывная, она звала всех вперед и была принята, как призывный клич к грядущей борьбе. От слов его пахло порохом. В воображении рисовались недавние дни октябрьских битв и слух пытался воскресить звуки ружейной пальбы.

Съезд наметил дальнейшие вехи судебного строительства в сторону еще большего укрепления пролетарской диктатуры.

Между тем, это были дни, когда, на наш взгляд, праву суждено было уступить дорогу органам расправы.

Причин этому было много. В числе их немалую роль сыграла организация окружных судов. К сожалению, мы, как пример, берем лишь Московский народный окружной суд, не имея данных по другим областям, но думается, что если бы мы их и имели, то в своем предложении ничего бы не проиграли. Окружной суд строился, как орган, сосредотачивающий в себе подсудность по наиболее тяжким преступлениям. Удайся поставить его на верную дорогу, он, быть-может, и стал бы не знающим сомнений карающим органом пролетарской диктатуры. Но... в нем оказалось слишком много недавних саботажников, в большей своей части, может-быть, и не собиравшихся протиститься с своим орудием борьбы, но зато изголовавшихся и мечтавших о теплых местечках. Недаром, нам пришлось на первых же порах столкнуться с таким с их стороны явлением, как постоянное выдвигание на первый план столь шкурного вопроса, как вопрос о личных окладах.

Помнится, что в среде руководителей Народного Комиссариата Юстиции Республики было тоже если не отрицательное отношение, то, во

всяком случае, пессимистический взгляд на так шкурно приступавший к работе личный состав Московского народного окружного суда.

Естественно, что при такой обстановке немногочисленные партийные товарищи скорей могли задохнуться в ней, чем пребороть ее.

Повидимому, избранный председателем окружного суда член ВЦИК 2-го созыва тов. Жилинский тоже мало верил в продуктивность организации такого рода судов.

Действительность не заставила себя особо долго ждать. Окружные суды в таком виде оказались в достаточной мере мертворожденными и почти сами послужили причиной своей смерти спустя несколько месяцев. Политическая бесформенность окружного суда, на наш взгляд, была одной из главной причин его быстрого отмирания, что, в свою очередь, с еще большей разкостью выдвинуло на первый план, как быстро и решительно карающий в обстановке гражданской войны орган пролетарской диктатуры — революционный трибунал.

Летом 1918 года федеральное существование Московской области закончилось, ее совнарком ликвидировался, а с ним вместе и Комиссариат юстиции Московской области. Функции его перешли к юридическому отделу Московского совета рабочих и крестьянских депутатов.

**

Таковы контуры судебного строительства первой эпохи пролетарского государства.

На фоне последующих лет они рисуются совершенно определенно, как естественно сменяющие друг друга шаги тяжелой и дерзкой поступью шествующего жертвенно, но победоносно пролетариата.

Больше того. Революционность, — подлинная, горячая, в своих дерзновеньях не знающая границ, — вырисовывается ярким манящим пламенем из одновременно и далекой, и недавней эпохи.

С. Зайцев

Первые месяцы существования Московского народного суда.

Вскоре после опубликования первого ноябрьского декрета о народном суде в Московском совете было создано совещание юристов, стоявших, как тогда впервые стали выражаться, «на платформе советской власти». Помню, были довольно жаркие прения. Некоторым декрет показался слишком радикальным. С. Б. Членов выступил с яркой речью, где доказывал невозможность «перебыв в отправлении правосудия», ибо это неизбежно вызовет хаос в экономической жизни. Хорошую отповедь критикам дал присутствовавший на собрании М. Н. Покровский. Он сказал приблизительно следующее. Пролетариат, захвативший власть, не может оставить суды в руках своих классовых врагов. Смешно пытаться поставить судебный аппарат вне революционной борьбы. Даже в рамках буржуазного режима, когда одна фракция буржуазии свергает другую, она стремится использовать в своих целях судебную магистратуру и направить туда своих сторонников. Странно требовать, чтобы пролетариат в своей революции от этого отказался.

В том же духе выступали т. т. Черлунчакевич и, помнится, покойный Чегодаев, которых я тогда видел впервые. Сейчас не время теоретических дискуссий—заявляли они. Московский ревком ждет от нас практической работы. Надо готовить организацию народного суда, проводить выборы судей по районам, овладевать судебным аппаратом... Не помню, была ли принята на собрании какая-нибудь резолюция. В этом, собственно, не было нужды.

Вскоре после этого собрания я был избран народным судьей в Сущево-Марьином районе.

Лично я думал начать с чего-нибудь более скромного. Практического опыта по судебной части у меня абсолютно не было. Занимался я, главным образом, философией и общей теорией права и о том, как работает, скажем, мировой суд, я имел гораздо более туманное представление, чем любой курьер при камере.

Однако, товарищи моего мнения не спросили и выборы произвели заглазно. Я получил записку, приглашавшую меня вступить в новую должность и заняться, прежде всего, приемом камер от бывш. мировых судей. Пришлось вспомнить пословицу—«не боги горшки обжигают»—и приняться за дело.

В Сущево-Марьином районе имелось семь камер и первое время всего два народных судьи. Служащие повсюду саботировали, кроме курьеров, которые почти повсюду остались на местах. Много помог мне и т. Ксенофонтову в первое время тов. А. Лисицын (теперь работает в НКЮ), б. секретарь мирового судьи, явившийся прямо из полка в солдатской шинели в район и предложивший свои услуги. Опытный практик он быстро и легко разрешал затруднения, над которыми мы с тов. Ксенофонтовым часто ломали себе голову. Из прежних мировых судей, разумеется, никто не воспользовался предоставленным им правом балло-

тироваться в народный суд. Камеры и дела они сдавали довольно безропотно. Только один мировой судья ямского участка ответил на мое приглашение явиться и сдать ключи и дела, что я ему не известен и что поэтому моему приглашению он последовать не может. Будь это несколькими месяцами позже, «фрондеру» пришлось бы пропутешествовать в собственную камеру под конвоем, но тогда отношение к врагам было более добродушное. Помню, что как-то, вечером, по дороге домой, я сам зашел к почтенному судье и, выслушав пламенную речь, в которой упоминались и опричники, и Малюта Скуратов, явившийся в келью к Филиппу, я заверил оратора, что кровопролития учинять не собираюсь и что, вообще, он мне лично не нужен и я требую лишь, чтобы мне переданы были ключи. Если вы не хотите присутствовать при приемке камеры—дело ваше. Мы составим акт без вас, но имейте в виду, что если будет обнаружен беспорядок в делах или в денежной отчетности—вы пойдете под суд. После этого моему собеседнику не оставалось ничего другого, как заявить, что он «вынужден подчиниться насилью» и вручить мне ключи. Ради безпристрастия следует добавить, что дела у этого судьи оказались в образцовом порядке.

Открытие камер предшествовали одно или два, точно не помню, общих собраний вновь избранных московских народных судей. Первоначально они происходили в Кремле, в теперешнем здании ВЦИК. Впоследствии совнарсуд переехал на Берсеневскую набережную, в бывш. мировой с'езд. На этих первых собраниях велась лихорадочная работа. Это были своего рода инструкционные курсы. Половина судей была из рабочих. Надо было в самом спешном порядке наметить основные линии для работы народного суда. Вопросы организационные, процессуальные, вопросы материального права—все это требовало немедленного решения и единственным местом, где вырабатывалась и суммировалась новая практика, были общие собрания народных судей. Неудивительно поэтому, что они происходили первое время каждую неделю и затягивались до 11—12 часов ночи.

У меня сохранились записные книжки того времени. По заметкам можно проследить, какая бездна вопросов стояла тогда перед нами. Тут находишь и примерный акт приема камеры, и форму приговора, и основные положения о проверке мест заключения, составление списков заседателей и т. д., и т. д. Нужно отметить необыкновенную энергию первого председателя совнарсуда тов. Черлунчакевича, который до января один, а затем с А. Молочковым, руководил всей этой громадной организационной работой. Только 1 апреля, если не ошибаюсь, был организован постоянный президиум из пяти лиц с включением трех участковых народных судей.

В камерах велась такая же интенсивная работа. Заседания для разбора дел приходилось

устраивать каждый день. Подготавливаться по ночам и по воскресеньям. Вначале очень туго обстояло дело с заседателями. Пришлось раскачивать совет, профсоюзы, заводы. С заседателями устраивались собеседования; в моем участке я попытался устроить даже нечто вроде регулярных занятий. Практические плоды были те, что из первой смены заседателей нам удалось выдвинуть народных судей-рабочих на пустовавшие камеры. Кажется, что сейчас из них никто не остался в суде. Тов. Григорьев в 1919 году был комиссаром дивизии, тов. Васильева партия сняла

для другой советской работы. То же было и в других районах. Заседатель, народный судья—это для многих рабочих были первые этапы советской работы.

Время шло. Народный суд развивался, переживая с рабоче-крестьянской Республикой все этапы ее борьбы за существование, болея всеми ее болезнями, и теперь, после пяти лет существования, он занял такое же прочное и неоспоримое место, как и сама советская власть, среди окружающего буржуазного мира.

Е. Пашуникис.

Как работал народный суд в 1918 году.

Пять лет прошло со дня организации народного суда.

Воспоминания о начале его функционирования в Москве уносят нас в представляющую сейчас такой далекой непосредственно-послеоктябрьскую эпоху.

Старый царский суд как бы замер, не смея проявлять признаков жизни еще до издания официального декрета об упразднении. Чека еще не организована. Борьба с контр-революцией (обыски, аресты) ведется непосредственно революционными комитетами, а исполнителями являются отряды Краской гвардии и просто рабочие.

Нередки и самочинные обыски с последующими «реквизициями и конфискациями». Анархисты, идейные и неидейные, производят свои налеты.

Любители легкой наживы—жулики всякого рода—под видом обысков грабят обывателей, артельщиков и т. д., в квартирах, раздевают на улицах.

В голове обывателя того времени все это преломляется, как одно сплошное «большевистское» беззаконие.

Вот в какое время стал организовываться народный суд.

Уже сейчас умудренные опытом 5-ти летней революции и научившись, по выражению тов. Ленина, понимать, что такое «сроки в революции», мы строим суд, как надстройку в переходное время, строим серьезно и надолго—тогда было другое.

Впереди рисовалась картина планомерного государственного распределения, источник преступности—социальное неравенство и необеспеченность—представлялся скоропреходящим, а суд, казалось, вот-вот через год-два за ненадобностью упразднится.

В суд тогда шли работать в большинстве случаев чувствующие большое призвание к этому делу, так как само судебное дело в партийных и советских кругах в те времена считалось не очень серьезным делом, и лучших сил на эту работу не мобилизовали.

Суд на первых порах своей деятельности резко отличался от предшествующего буржуазного суда отсутствием тех внешних форм (торжественность судебного заседания и др.), что так импонирует обывателю, который приходил в ужас, видя в суде продолжение того же «беззакония»—этих конфискации, реквизиций,

Приходилось новому народному суду не только судить, но быть пропагандистом первого в мире суда, где судьей является рабочий.

Первые процессы были по бракоразводным делам, где возможность освобождения от пут брака заставляла обывателя обращаться в суд, преодолевая свое недоверие к «большевистскому» суду. Хотя дела подобного рода могли иметь для судящихся лишь один результат—расторжение брака, но столь необычной и неестественной казалась обывателю эта легкость расторжения брака, что приходилось сплошь и рядом судье не только выносить свое решение, но и доказывать в коротенькой речи полезность этого нового закона.

Как я уже сказал, в ту пору особой торжественности в суде не было: публика во время разбора дела не снимала фуражек, лишь при чтении приговора требовалось вставать присутствующим в зале суда.

Мне помнится, как при чтении мною решения о расторжении брака, при явном неудовольствии расторгенной жены, одна из присутствующих гражданок отказалась встать. На вопрос о причине этого она, не стесняясь, заявила, что считает насильственное расторжение брака неправильным, а потому не встает. Сейчас это кажется странным. Кто сейчас посмеет не подчиниться требованию суда? Не только, когда читается приговор, но и произносится «суд идет»—вся публика, как один человек, встает, чувствуя в суде отражение могучей диктатуры пролетариата.

Не всегда, однако, в ту пору так благополучно разрешались дела для представителей буржуазии, пытавшейся разрешать свои семейные конфликты в суде. Я помню случай, когда одним из народных судов было постановлено конфисковать у одной из буржуазных семей огромную часть ее имущества, как-раз служившую поводом к вечным дразгам между членами данной семьи.

Вот таков был суд, отбивший охоту не у одного представителя буржуазии обращаться к нему по таким делам, делавшим этот суд необычайно популярным в рабочей массе.

Целый ряд случаев обращения в суд за защитой и иного рода оказывался для представителей буржуазии трагическим. Из числа характерных отмечу такой. У торговца бриллиантами Б. некий комиссионер, взяв драгоценные камни на сумму в несколько сот тысяч для того, чтобы показать

их покупателю, с таковыми скрылся. Жадный буржуа, совершенно выбитый из колеи своей потерей, обращается с жалобой в уголовный розыск, а в результате привлечение к ответственности не только похитившего бриллианты (которые так и исчезли), но и жалобщика, за спекуляцию. Последний отделяется сравнительными пустяками: конфискацией найденных у него при обыске других ценностей без личного наказания. Мотив, почему суд ограничивается сравнительно мягким наказанием,—гр. Б. был уже в достаточной степени «наказан своим же братом спекулянтom».

Суд того времени отражал собой дух переживаемой эпохи и многие буржуазные пережитки рассматривались, как преступные деяния, как, например, дача «чаевых» и т. п. Помню, как в одном из процессов, когда я столкнулся с случаем дачи «чаевых» курьеру одного учреждения защитником В., я приговорил его к общественному порицанию.

Судья-свидетель, он же следователь—обычная картинка упрощенного до самой последней степени судопроизводства того времени.

Припоминается следующий случай из моей судебной работы. Случайно я оказался свидетелем яростных антисемитских выпадов со стороны одной молоденькой девушки. Тут же мною составлен протокол, допрошены свидетели и на другой день она была мною же судима. Обычно суровый в отношении элементов враждебных революции пролетарский суд для нее оказался более мягким, чем подсудимая, вероятно, ожидала. Учтя, что преступление ею совершено вследствие невежественности, суд приговорил ее к прохождению курса политической грамоты. Последним штрихом к этой картине надо было бы еще судье фигурировать в качестве ее же наставника при прохождении политграмоты.

Характерно, что судьи-коммунисты резко отличались от судей-спецов (которые в небольшом числе имелись и в те времена) по репрессиям, которые назначались теми и другими в зависимости и от классового состояния судящихся, и от рода совершенного преступления. Поведение того или иного судьи-беспартийного на процессе, противоречившее коммунистической этике, иногда служило предметом обсуждения на общих собраниях совета народных судей или в президиуме совнарсуда, причем, вопреки всякой профессиональной этике, вопрос возбуждался кем-нибудь из партийных судей, проведавших о таком деле. Я помню—большие хлопоты были у судьи Г., который так энергично повел дело в отношении одной гувернантки, якобы обокравшей своих «господ», что та покушалась на самоубийство. Судьи-спецы, в отличие от судей-рабочих, также отличались свирепостью в отношении обычных типов, фигурирующих перед судами—воров разного рода. В городском районе в качестве народного судьи работала старая пар-

тийная работница, испытанная в баррикадных боях, но, увы, не бывшая свирепой в отношении карманников и т. п. преступников. Были случаи, что рецидивиста с многократной судимостью она отпустила на честное слово. Любопытно, что тюремное население быстро об этом проведало и многие из них стремились доказать, что совершили преступление в пределах участка именно этого «доброего» судьи.

Представителей общественного обвинения процесс того периода почти не знает. Да это, пожалуй, и было бы лишним. Разбирательство дел в народных судах того времени—была сплошная декларация прав трудящихся.

Адвокаты в ту пору никакого значения не имеют и большинство дел, порученных им, проваливаются.

Много было гражданских исков рабочих с предпринимателей за утерю при производстве трудоспособности. Разбор таких дел, где на стороне предпринимателей выступали юристы, всегда сводился к полному удовлетворению всех заявленных рабочим требований.

Простота в производстве дел того времени превращала чрезвычайно быстро жалобщиков-буржуа в обвиняемых и сколько раз случалось, что буржуазная дамочка, явившись на суд изболтничать в краже свою прислугу, в результате тут же приговаривалась за клевету к наказанию.

Можно бы в значительной степени увеличить число интересных случаев, характеризующих народный суд в начальный период революции.

Горячая преданность делу революционного правотворчества была отличительным качеством судей того времени.

Все это создавало крепкую спайку судебных работников того времени и московский совет народных судей представлял из себя тесную дружную семью. Лишь командирование на фронт в 1919 году заставило ряд работников распрощаться на некоторое время с любимым делом. Перенося голод, холод (в 1918—19 г. все советские работники жили в тяжелых условиях, а на суд обращалось менее всего внимания), не покладая рук, мы энергично и дружно работали.

Сейчас, озираясь на длинный пройденный путь, мы можем видеть, какие достигнуты гигантские результаты.

На основе 5-ти летнего опыта выкованы свои судебные пролетарские законы, судам же не приходится кустарничать, изобретая остроумные решения. Пролетарский юрист научился читать, толковать и применять свои законы и успешно конкурирует в этом отношении с юристом буржуазной школы, и если ранее последние приходили в ужас от нашего упрощенного судопроизводства, то сейчас уже их может приводить в смущение лишь строго-классовый характер нашего суда.

И. Ростовский.

Итоги и перспективы.

Основной ошибкой первого декрета о суде является разобщение двух судебных организаций. Трибунал появился на свет, как новая сила, рожденная революцией, не связанная традициями старого суда и не обязанная считаться с наследием прошлого. В то же время народный суд, местный и окружной, вместо революционной деятельности с первых же своих шагов должен был окунуться в груды старых судебных дел и принять старый аппарат, который мертвой глыбой висел на его ногах.

Первые дни существования народного суда в Москве... Десяток революционеров хотят оживить застывший труп старой юстиции... Ведутся переговоры с врагами революции, злостными саботажниками, хотя ясно, что здесь нужны не переговоры, а меч, тратятся драгоценные силы на то, чтобы нечеловеческими усилиями отдельных добросовестных технических работников, оставшихся с рабочим классом, войти в курс производства старого громоздкого аппарата. А жизнь не ждет. Революция бурно развивается... Некогда копаться в грудях бумаги: творите новое дело—говорят события и логика жизни.

И вот в этих противоречиях народный суд ищет новых форм своей работы, хочет идти в ногу с революцией и проявить себя и на этом архи-традиционном поприще, как революционный орган.

Обывательская квартира камеры мирового судьи переполнена людьми. Ждут народного судью. Заседатели уже явились. Наконец, получается записка судьи, что он от переутомления заболел и явиться не может. Заседатели совещаются, что делать: разойтись, так как судью из другого района достать нельзя, или судить самим. Призывают на помощь секретаря—и в результате следующее решение:

«1918 г., 26 января, мы, очередные судебные заседатели, Дмитрий Иванович Григорьев, Андрей Иванович Контев и Карп Петрович Капитонов, явились сего числа в судебное заседание, но местный судья П. В. Ксенофонтов заболел, в суд же вызваны граждане, в интересах которых разбор дел не должен быть отложен. Так как основными принципами по декрету Совета Народных Комиссаров вновь созданный народный местный суд должен иметь живой творческий дух, а не застыть в тех юридических рамках, которые определены пунктами декрета, постановили: за отсутствием местного судьи по болезни, избрать из своей среды председателем народного суда тов. Григорьева и считать судебное заседание местного народного суда Марьинского участка гор. Москвы 26 января 1918 г. состоявшимся в вышеуказанном составе. Объявить об этом гражданам, явившимся в суд, и в случае отвода по какому-либо делу разбор по этому делу отложить. Подписи».

Декрет о гражданском браке дал возможность тысячам представителей обоого пола вскрыть, наконец, гнойный нарыв брака и вскоре после опубликования его для получения законного постановления о разводе в камеры народных судов Москвы идут все эти люди, всех званий и состояний, и получают долгожданную «бумажку» за печатью и подписью (не важно, что это написано рукою «разбойника - большевика»). Закон о гражданском браке есть, но нет еще учреждений, регистрирующих браки (загсов). Идут опять—таки в суд и суд реагирует на требования жизни, и выносит решение: «свести в брак». И уже в 1918 г. Московский совет местных народных судей несколько таких решений передает во вновь открытые отделы записи актов гражданского состояния. Вот перед судом женщина с несколькими детьми, брошенная на произвол судьбы мужем. Предъявляет иск о содержании детей, но где же ей самой найти бегалюшего мужа, который весь свой заработок тратит на кутежи. Можно ли по такому гражданскому иску подвергнуть ответчика в обеспечение иска личному задержанию? Суд решает—должно. И пьяница—муж, приведенный в суд под конвоем, моментально находит средства на содержание брошенных детей.

Кризис топлива. Объявлена такса на дрова, но содержатели складов игнорируют их. Обыватель идет с жалобой в суд и суд постановляет обойти все склады в данном участке и судить на месте. На следующий день, в результате действий суда, несколько приговоров о наложении крупных штрафов на содержателей складов топлива, вынесенных на месте, по проверке книг склада и опросу присутствовавших покупателей.

В суд поступают жалобы милиции о неподчинении домовых комитетов приказам об очистке улиц от снега и суд немедленно проводит кампанию обхода наиболее богатых домов—и десяток приговоров об арестах председателей домовых комитетов впредь до внесения наложенных крупных штрафов дают желанные результаты по всему району.

Можно было бы привести еще десятки примеров того, как жизненно народный суд осуществлял свои функции. Много работы потребовалось в первые месяцы существования народного суда для разгрузки тюрем. Часто суд в полном составе отправлялся в тюрьму и там, на месте, по скудным материалам тюремного дела и на основании впечатлений от допроса разрешал вопрос об освобождении арестованных или дальнейшем их содержании, принимая меры к розыску следственного производства или его возобновлению.

Хотя по декрету о суде № 1 предварительное следствие возлагалось на местных судей единолично, но здесь судье почти не было дела. Не такое было время, чтобы по всем правилам про-

изводить следствие. Быстро и решительно реагировала революция на наиболее наглые преступления, как, например, бандитизм, путем расправы на месте преступления, если же явного бандита приводили в камеру суда, то суд не стеснялся в направлении такого бандита-налетчика в районную ЧК.

Продолжавшаяся гражданская война отражалась своеобразной лаконичностью «постановлений» тех организаций и групп, которые вели эту борьбу непосредственно. В делах тюрьмы мне приходилось встречать «документы» на арестованных такого содержания: «Посылаем задержанного громилу». Подпись и печать «штаба черной гвардии». И когда некоторые персонажи черной гвардии сами попали в Бутырки после разоружения анархистов, суд был в затруднении, как относиться к подобным документам. Администрация тюрем и милиция ежедневно присылали пачками в суд арестованных и немедленно, по опросе арестованного и рассмотрении присланного материала, суд разбирал дело по существу и выносил приговор, а если дело не было ему подсудно, выносил постановление о направлении дела в еще несуществующий народный окружной суд, а обвиняемого или освобождал, или подтверждал о его задержании.

Пустота, образовавшаяся вследствие ограниченности подсудности, умалила значение и роль первого революционного суда, а когда, наконец, появился народный окружной суд, с бесконечно медлительными формами своей работы, одно уже требование образовывать состав уголовного суда в 12+2 заседателей делало его неприспособленным к темпу революционной жизни, — местный народный суд еще больше замкнулся в разборе мелких дел, в большей части уголовных и бракоразводных, пытаясь в этих делах проявить свою революционную роль.

Большая ошибка заключалась в том, что в организации народного окружного суда не был привлечен никто из народных судей, и окружной суд показал себя чуждым революционному духу местного народного суда. Народные судьи созыва 1917—1918 г. были подобраны из товарищей, прошедших политическую революционную школу, и, конечно, они не могли замкнуться в роли тех же упраздненных мировых судей. Мы видим, как народный суд превращается в трибуну для агитации, для внедрения в сознание обывательской гущи доселе чуждых понятий коммунизма, как каждый приговор и решение бьют в одну сторону — укрепить революцию, будировать сознание, дать своего рода прокламацию или декларацию. И, разумеется, даже скромное веление первого декрета о суде руководиться старыми за-

конами «постольку, поскольку таковые не отменены революцией и не противоречат революционной совести и революционному правосознанию», было отменено логикой и формой судебной работы. Единственным мерилом было социалистическое правосознание. Самый суд в наших глазах представлялся организацией, подлежащей отмиранию, и все старые формы репрессии, до революции применявшиеся в отношении отдельной личности, если эта личность своими действиями не проявляла враждебности к новому строю, а лишь покушалась на собственность, были противны сознанию судьи и вследствие этого народный суд первого периода фактически не наказывал за нарушения, а лишь старался воздействовать на нарушителей, и не без успеха, мерами воспитательного характера (условное осуждение, общественное порицание, заглаживание вреда, принудительное политическое воспитание, помилование, досрочное освобождение и проч.). Иначе не могло бы быть и по другим причинам. Посылать в места заключения, зная их состояние, зная, что там нет трудового режима, что там тиф пожирает свои жертвы, суд не мог и только в крайних случаях применял меру задержания. Даже в отношении к спекулянтам суд применял чаще имущественные взыскания или принудительные работы и только как средство понуждения к уплате штрафа определял личное наказание.

Историческая роль народного суда по укреплению и внедрению начал советского строя была хотя и не столь заметной, но большой, и этой заслуги народного суда отрицать никто не станет. И если революционные трибуналы останутся в истории, как разящий меч революции, то народный суд эпохи 1917—1920 г.г., несмотря на свои несовершенства и ошибки, остается первым опытом социалистического суда. Все силы были отданы фронту гражданской войны. Революционный трибунал, как орган боевой, ударный, все время питался от источников революции, постоянно пополняемый наиболее стойкими революционерами, а народный суд, оставленный на произвол судьбы, обезлюженный, ставший если не чуждым, то далеким от партийных организаций, жил остатками накопленной в первый период революционной энергии. Такое положение продолжаться долго не могло и к пятилетию первого декрета о суде мы получили новое положение о судоустройстве и новый суд, который, мы уверены, объединив два начала, заложенные в народный суд и в революционный трибунал, даст высшую синтетическую (объединяющую) форму советской юстиции.

А. Лисицын.

Из воспоминаний московск. народн. судей

о первых днях существования народного суда в Москве.

Саботаж служащих старых судов.

Вкакой сложной обстановке проходили первые дни организации народного суда в Москве, может дать частичное представление описание саботажа и забастовки служащих мировых судов.

Правда, эта страница—одна из черных страниц моей жизни и при воспоминании о ней краска стыда покрывает мое лицо.

Сотрудники мировых судов перед октябрём входили в центральные организации городских служащих и вместе с ними приняли участие в объявленной забастовке. Первое общее собрание сотрудников, как припоминаю, происходило 24 ноября. Собрались почти все сотрудники, что бывало очень редко; мелькали лица мировых судей, которые, вообще, стояли в стороне от наших собраний.

Я был избран председателем собрания.

На повестке стоял вопрос об отношении к новой власти и дальнейшем поведении сотрудников. На собрании уже циркулировал слух, что старая городская управа уплачивает жалование за все время, поэтому настроение у всех было непримиримое.

Но выступавшие по вопросу ораторы не касались политической стороны, а лишь напирали на то, что в данный момент нам нельзя отколоться от городских служащих и не участвовать в забастовке. На собрание специально пришел тов. Лисицын, который в тот момент находился в одном из московских полков, а до призыва в армию работал в мировом суде секретарем. В своем выступлении тов. Лисицын призывал собрание ясно и точно определить свое отношение к развернувшимся событиям, сказать на чьей стороне собрание: на стороне ли рабочих, взявших власть в свои руки, или на стороне врагов рабочего класса. Все убеждения его приступить к работе не нашли, однако, отклика в собрании, за исключением двух—трех человек, которые и ушли с ним с собрания.

Остальные постановили примкнуть к забастовке городских служащих и к работе не приступать.

Нужно сказать, что большинство служащих мирсудов, стоявшее далеко от всякой политики, не приступало к работе в силу боязни лишиться потом мест. Правда, в среде служащих была группа, которая вела определенную политику саботажа. Эта группа, во главе с одним из секретарей мирсуда Полуяновым, так и не вернулась к работе во вновь организованном народном суде, уйдя работать по разным продовольственным и кооперативным организациям, бывшим в то время гнездами эс-эров и меньшевиков.

На местах остались лишь курьеры; остальные к работе не приступили.

Спустя недели две было созвано опять общее собрание, но уже не в с'езде мировых судей, а в камере мирового судьи по делам о несовершеннолетних.

На этом собрании собралось опять большинство служащих. Стоял один вопрос: приступать или не приступать к работе.

Группа сотрудников во главе с Одиноквым, Бычковым и др., которые уже приступили к работе, и несколько сотрудников еще колебавшихся выступили с предложением избрать делегацию для вступления в переговоры с новым председателем совета народных судей тов. Черлюпкаевичем по вопросу о возобновлении работы.

Мы указывали, что события, прокатившиеся за это время по всей России, говорят за то, что власть захвачена не кучкой большевиков, как нас уверяли меньшевики и эсеры, а рабочим классом, что крестьянство всюду перешло на сторону рабочих.

Наши противники грозили последствием раскола—лишением права вступления в организации городских служащих. После жарких прений приступили к голосованию. Голоса разделились поровну, тогда решили для точного подсчета голосов разделиться по двум комнатам и подсчитать отдельно в каждой комнате. Эта группировка на овец и козлищ вызвала много комичных сцен: некоторые, не зная к кому примкнуть, несколько раз перебегали из одной комнаты в другую: постоит в одной комнате, подумает, потом перейдет в другую комнату, там постоит, наконец, махнет рукой, возвращается в первую комнату.

В итоге—мы победили, собрав на несколько голосов больше. Была избрана делегация, в которую в числе членов входил и я.

Но под конец заседания явился кто-то из группы непримиримых и заявил собранию, что получены деньги на уплату жалования, которые будут выдаваться дня через два. Это заявление сразу перевернуло все вверх дном и собрание перерешило вопрос о делегации, отложив ее посылку на несколько дней.

Через несколько дней состоялось собрание в камере мирового судьи Алексеевского участка, где участников уже было куда меньше.

Здесь, повидимому, собралось большинство непримиримых, тем более, что незадолго была выдана денег по 40 р. на человека, и предложение о приступе к работе провалили. Я заявил о сложении полномочий председателя правления проф-

союза, так как стало ясно, что оставалась кучка политиканов, которые хотели продолжать саботаж во что бы то ни стало: они не вернулись к работе, им было противно работать с судьями-рабочими, о чем они открыто заявляли.

После этого собрания часть работников подала заявление о желании работать в народных судах и стала работать по организации судов вместе с новыми судьями и сотрудниками.

Несмотря на то, что я был лишь техническим работником, я с первых же дней принял участие в организационной деятельности новых судебных работников.

Еженедельные собрания судей посещались всеми интересующимися делом сотрудниками, все принимали участие в обсуждении вопросов, касающихся первых шагов работы народного суда.

Необходимо отметить, что тов. Черлюнчакевич, председатель московского совнарсуда, для участия в разного рода комиссиях, совещаниях и т. п. вовлекал не только судей, но и всех сознательных технических работников и в первую голову секретарей.

Эта политика дала возможность многим из нас развиваться политически и в дальнейшем занять ответственные посты. Работа народного суда на заре его существования, в дни гражданской войны, требует своего летописца и можно надеяться, что эти дни не пропадут незаписанными на страницах нашего журнала. Несмотря на пережитые лишения, для всякого из нас это будут светлые страницы, которые радостно вспомнить в жизни.

Д. Князев.

ИЗ БЕСЕД.

Первое появление комиссара тов. Черлюнчакевича в с'езде мировых судей.

Секретарь гражданского отделения Московского совнарсуда тов. Соловьев поделился с нами воспоминанием о первом появлении тов. Черлюнчакевича в помещении с'езда мировых судей.

Последним председателем с'езда был князь Крапоткин, который и сдавал дела тов. Черлюнчакевичу.

Приняв от Крапоткина дела тов. Черлюнчакевич, как председатель совнарсуда, пошел осматривать помещение и знакомиться с сотрудниками.

В какую бы комнату ни зашел новый председатель, всюду поднимался страшный шум, крик, свист. Кричали и свистали канцеляристы, били по столам судейские барышни, желая показать свое нежелание работать с новыми пролетарскими судьями.

Тов. Черлюнчакевич спокойно обошел все комнаты и, не обращая никакого внимания, прошел к себе в кабинет и занялся делом. Глядя на уравновешенность и деловое спокойствие нового председателя, — сказал тов. Соловьев, — мы всем нутром почувствовали, что наше дело проиграно и что надо начать снова работать.

Должен вам добавить, — закончил он, — что теперь работа идет во-всю. И мы, бывшие саботажники, не только сработались с революционными судьями, но и относимся к ним с искренним и глубоким уважением. Если раньше торжествовала форма над сущностью дела, то теперь рабочие-судьи, придавая малое значение форме, видят всегда самую суть дела. Их решения никогда не расходятся с жизненной правдой.

Первое решение по гр. касс. делу.

Московский совет народных судей окончательно организовался в начале 1918 г. Приводим первое решение по гражданскому кассационному отделению.

Интересно отметить, что первое дело, которое по «апелляционной» жалобе пришлось решать

совету народных судей был спор о квартирной плате.

В этом деле наслоились три эпохи: обложка царского времени Московского столичного с'езда мировых судей, законы, на основании которых решено дело, были изданы в эпоху Керенского, а судьи, решавшие дело, были членами партии большевиков, партии, которая участвовала в свержении Николая II и выгнала вон Керенского и его однокашников и прихлебателей.

Вот это решение:

«1918 г., марта 15 дня, именем Российской Федеративной Советской Республики, Московский столичный совет местных народных судей в открытом заседании, в составе председательствующего Н. А. Черлюнчакевича и членов А. И. Мотягина, В. П. Савинича и при секретаре Н. П. Колле, слушал дело по апелляционной жалобе Ивана Прохоровича Орехова на решение местного суда Марьинского участка, состоявшееся 22 января 1918 г.

Обстоятельства дела: народный суд, разобрав дело по иску Павла Степановича Линника к Ивану Прохоровичу Орехову о 77 р. 50 к. квартирной платы на основании 5 п. 7 и 8 ст. ст. закона 5 августа 1917 г. определил: исковое требование Павла Линника удовлетворить, присудив с гражданина Ивана Прохоровича Орехова следующие Павлу Линнику с 10 октября 1917 года по 1 февраля 1918 г. сто семьдесят рублей (170 р.), считая по 42 р. 50 к. в месяц.

В апелляционной жалобе к совету местных судей Иван Прохорович Орехов просит решение суда отменить, в иске Линнику отказать и возложить на последнего судебные и за ведение дел издержки.

Принимая во внимание расчеты сторон и соглашение их относительно размера наемной платы, постановили признать это соглашение справедливым и отнести уплату наемной платы из расчета по 35 руб. в месяц по 1 января 1918 г. и по 40 рублей с 1 января 1918 года.

Черлюнчакевич, Мотягин, Савинич. Секретарь Н. Колле.

Тов. Ларина, Еп. Гр., народный судья Замоскворецкого района, затем член президиума и заместитель председателя совнарсуда.

Воспоминания тов. Лариной начинаются с случайного посещения ею в качестве зрителя народного суда в 1918 г. Посещение произвело сильное впечатление, наглядно показав необходимость вливания в состав судей партийных сил. Как-то прачка обвинялась в ничтожном проступке. Судья-специалист вел дело технически хорошо, но в самом приговоре совершенно отсутствовал дух социалистического правосознания. Было очевидно, что судья чужд революции и идеям рабочего класса. Этот случайный факт повлиял на тов. Ларину и через несколько дней она сама стала работать в Замоскворецком районе в качестве народного судьи.

В работу пришлось уйти, буквально, с головой, да почти ежедневно проводя время в потопившихся вовсе помещениях суда. Все занятия зимой шли в пальто, папках и валенках, неоднократно судье приходилось дыханием отогревать подмерзавшие чернила. Ежедневно разбиралось 25—30 дел. Первое дело, которое пришлось разбирать тов. Лариной, было дело о краже продовольственных карточек. В качестве обвиняемых были привлечены две совершенно юные девушки. Семейная обстановка этих девушек была ужасна: голод, холод, в доме хоть шаром покати и к тому же большая семья и старики-родители.

Несмотря на всю антиобщественность их поступка, суд все-таки не посадил их в тюрьму. Старшая была приговорена к увольнению от должности и условному наказанию, а младшая, еще совершенно юная, к условному осуждению с оставлением на службе. Тов. Ларина заинтересовалась дальнейшей судьбой этих девушек и узнала, что де-

вушка, условно оставленная на своей должности, после приговора стала прекрасной и честной работницей.

Успех условного осуждения наблюдался тов. Лариной, вообще, не раз, даже в случаях с рецидивистами, если преступление было вызвано явно нуждой, а не являлось профессиональным занятием. Тов. Ларина помнит, как она приговорила одного вора-рецидивиста к высылке на родину под наблюдение сельского комитета. И что же? Сельский комитет давал затем на запросы самые хорошие отзывы.

Особенно много в первый период было дел о бандитизме и служебных преступлениях, иногда о служебном бандитизме. В те времена в советском аппарате было весьма много так-называемых «примазавшихся», использовавших свое положение в личных целях. Испуганные обыватели не всегда решались им противодействовать и даже обывательского типа судьи смущались пред мыслью принятия решительных мер, видя пред собою в качестве обвиняемого какого-нибудь военного или агента ЧК, либо иное должностное лицо, козырявшее своей формальной принадлежностью. Деятельность партийного судьи, беспощадно расправлявшегося с подобными внутренними врагами советской власти, дискредитировавшими ее своими преступлениями, существенно способствовала общему очищению атмосферы, подъему престижа советского правительства и росту доверия к нему.

Вообще, в 1918 г. было чрезвычайно развито и самоуправство, не имевшее характера стремления к личному обогащению, и т. п. Население, например, было почти убеждено в праве прибегать к расправе «своим судом», например, убить захваченного преступника, иногда совсем по пустякам. Например, скоро после приступа к делу тов. Лариной пришлось судить одного красноар-

О народном суде.

(Из личных впечатлений).

Когда в первых числах декабря забастовали мировые судьи (в связи с инцидентом в Ново-Андроньевском суд.-мир. участке), нам в районе пришлось стать лицом к лицу с вопросом о немедленной организации местных участковых народных судов; таившаяся надежда на то, что авось, немного можно пооттянуть это дело и наладить пока другия, неотложные, в таком изобилии навалившиеся на наши плечи дела в районе, — рухнула.

В связи с забастовкой пришло распоряжение из центра—передать имущество камер мировых судей под ответственность курьеров. Товарищ, которому это поручили, переусердствовал: ночью с красногвардейцами опечатал все камеры; таким образом, отношения с судьями были совсем испорчены и хотя мы, на основании декрета № 1, и обратились к ним с предложением баллотироваться в народные судьи, но сделали это только «для очистки совести», заранее зная, что из этого ничего не выйдет.

Итак, пришлось, как ни трудно это было при массе другой работы, взяться за дело самим.

Решили открыть на первое время одну камеру, которая бы обслуживала два мировых участ-

ка с пролетарским населением; два же другие участка—буржуазные—пока не обслуживать.

Не было персонала (письмоводители бастовали); не было ни денег, ни дров, ни керосину.

Все пришлось налаживать в атмосфере того бесконечного самбура, который царил в то время, конечно, не в одном только нашем районе.

Избрали заседателей на пленуме совета—12 человек на первую сессию—частью из членов совета, частью из предложенных на заседании кандидатов из товарищей, известных на фабриках; выбрали меня судьей; уведомили комиссары о пересылке протоколов в камеру, вывесили объявления об открытии суда, ликвидировали «судебно-следственную комиссию» при совете (к слову сказать, исполнявшую только следственные функции) и, примерно, за неделю до Рождества состоялось первое в районе заседание народного суда.

Маленькая, грязная камера в старом деревянном доме, промозглая, угарная, протопленная только в этот день, а ранее, за отсутствием дров, не топившаяся более недели, слабо освещенная одною керосиновой лампой (заседание было вечером),—вот в какой неприглядной обстановке слушались первые дела первым народным судом в Москве.

Одно из дел—об изменении меры пресечения грабителям, ворвавшимся ночью с винтовками

мейца, убившего мальчику, подозреваемого в совершении мелкой кражи. Причем, как и сам убийца, так и свидетели красноармейцы, страшно были поражены, что за такое «законное» действие привлекают к уголовной ответственности. Пришлось суд использовать как политическую и агитационную арену, и, попутно с ведением судебного следствия, переубеждать красноармейцев, а затем в связи с этим делом также организовать в красноармейском клубе митинги, на которых комиссары и политработники разъясняли красноармейцам всю недопустимость убийств по таким поводам и об общественных корнях преступности.

Судейское кресло, особенно первое время, было трибуной для агитации и просачивания социалистического правосознания в головы обывателей. Содержание приговоров также должно было будить революционное чувство трудящихся масс, поэтому, наказывая, например, спекулянта за покупку или продажу золота, судья писал в приговоре, что «определили такую-то меру наказания за то, что гражданин позволил себе торговлю «нашим золотом, на которое мы могли бы купить заграничей паровозы». На присутствовавшую на заседаниях довольно многочисленную публику, не мало страдавшую от расстройств транспорта, подобное обоснование производило, обычно, желательное впечатление.

Тяжело было карать своих людей—пролетариев, когда назначалось наказание с единственной целью поднять внутреннюю дисциплину среди рабочих. Без такой самодисциплины нельзя было бы рабочему классу сохранить власть в своих руках в неслыханно-тяжелых материальных условиях, в каких шла тогда жизнь. Суд народный содействовал тому, чтоб не дать тогда безгранично распускаться, иначе все бы разлезлось и затрещало

по швам. Улучшение жизненной обстановки в последнее время облегчило, вероятно, теперь, как полагает тов. Ларина, эту самую тяжелую, по ее мнению, сторону судебной деятельности.

Тов. Ларина вспомнила и о заседателях того времени, говоря, что они были очень чутки к самому приговору и вполне сознательно его подписывали, но как в судебном заседании, так и в совещательной комнате были очень пассивны, а главное, боялись говорить публично, отчасти, вследствие непривычки к судейской работе, а главное, в этом сказывалось наследие бесправия царского режима.

Трудную борьбу пришлось выдержать и со старой адвокатурой. Многие бывшие присяжные поверенные и ходатаи по делам никак не могли уразуметь, что народный суд действует на иных началах, чем суд буржуазный. Не одного из таких адвокатов пришлось отдать под суд и за незаконный, в то время, гонорар, и за явную защиту неправого дела. Встречались, правда, и такие защитники, которые с самого начала хорошо поняли конструкцию и дух советского права, и такие являлись, действительно, помощниками суда.

Большое впечатление на граждан производило, что судьей в суде оказывалась женщина. Факт пребывания женщины судьей, вообще, способствовал изменению взглядов на женщину и на возможность для нее общественной работы (даже у заседателей, обычно, сплошь бывших рабочими, не говоря уж об обывателях).

Тов. Ларина вспоминает много проявлений доверия к суду, вплоть до того, что через несколько месяцев работы к судье начинали приходить обитатели района «посоветоваться», следует ли им развестись, или попробовать жить и дальше вместе и т. п. Вообще, население быстро освоилось с

к какой-то одинокой старухе и ограбивших ее дочиста; другое—спор о праве собственности на самовар, бытовое, запутанное, с бездной женщин-свидетельниц дело.

Признаться, не без сильного волнения вошел я в эту убогую «залу заседаний», проделал всю процедуру с клятвенным обещанием заседателей, с объяснениями их прав и обязанностей и объявил заседание открытым. Было из-за чего волноваться. Дознание по первому делу и протокол по второму—были до такой степени убоги, нелепы и нескладны, что я был более, чем уверен, что «первый блин» будет, несомненно, «комом».

Однако, очень быстро мои опасения стали рассеиваться.

При проверке дознания по делу о грабеже заседатели обнаружили такое умение задавать вопросы свидетелям, явились такими ценными помощниками мне, что я с минуты на минуту становился все спокойнее и увереннее.

Анализ полученных впечатлений, когда мы удалились в совещательную комнату, еще более укрепил меня в уверенности, что с этими товарищами работа пойдет хорошо.

Во втором деле, необыкновенно запутанном, я сознательно отстранялся, предоставляя заседателям всю почти работу, и убедился, что поступил вполне правильно: они проявили много умения

разбираться в тех мелочах, которыми так богаты такие дела, и их помощь была очень ценной.

Таков был первый шаг. Далее начались уже правильные заседания, сначала два, потом три раза в неделю; наладилась канцелярия; улучшался постепенно и материал дознания, получаемый от милиции.

Дела были первое время почти исключительно уголовные; из гражданских—иски об алиментах и те мелкие иски, ценою в десятки рублей, которые так часты в окраинных судах, где суду приходится часами разбираться в копеечных расчетах тяжущихся; затем—огромный наплыв бракоразводных дел.

Постепенно круг дел расширялся; физиономия суда менялась, но вначале по составу и публики, и тяжущихся, и свидетелей это был очень своеобразный суд. Уголовные дела, возбуждаемые в порядке частного обвинения, и мелкие гражданские имели всегда особый привкус.

Например, живут люди в одной квартире, ссорятся, как полагается, бранятся, а потом мирятся. А в этот период как-то обостряются отношения: люди обращаются в суд и всегда один характерный рефрен со стороны жалобщика или жалобщицы: «А он (обидчик) мне говорит:—ничего ты со мной не сделаешь, потому судов теперь нет». Не платит человек занятых денег, потому что

непривычным фактом, что судья—женщина, принял его, как должное, и, вопреки высказывавшимся при начале опыта некоторыми товарищами опасениям, относились к «женскому суду» вполне серьезно. Теперь, как известно, имеется целый ряд женщин-судей.

Ставшее общепонятным и бесспорным у нас, это явление все еще не укладывается в головы европейских мещан.

Тов. Ларина недавно была за границей, в Германии. Когда она говорила немцам-обывателям, что она была судьей, те или ей не верили, или, качая головой, говорили: «да, в России все возможно». Наша русская женщина-коммунистка показывает всем остальным женщинам, что может создать действительно свободная и полноправная женщина.

Ломакин, Николай Константинович, первый народный судья, революционным путем разогнавший старых судей.

С тов. Ломакиным нам пришлось беседовать при тяжелой обстановке; вот уже несколько месяцев, как он прикован к постели тяжелой изнурительной болезнью, и, несмотря на это, он охотно поделился с нами своими воспоминаниями о первом периоде работы народных судов.

«Если вы помните,—начал свои воспоминания тов. Ломакин,—то 24 ноября 1917 г. в Москве был получен декрет об организации народного суда. И перед нами, т.-е. исполкомом Рогожско-Симоновского района, в котором я состоял членом, встал вопрос, что делать. Надо вам заметить, что в то время мы не только читали декрет, но и сейчас же, по детальном об-

судов нет». Буйствует, хулиганит опять-таки потому, что «судов нет». И вот нам пришлось внедрять в умы населения нашего захолустного угла, населенного, главным образом, бедной, мелкими ремесленниками и т. п., внедрять сознание, что советский или, как его презрительно называла буржуазия, «товарищеский» суд есть вполне реальное явление.

Часто не являлись ответчики и обвиняемые; постоянно стороны просили вызвать свидетелей повестками, ибо, по их словам, в «товарищеский» суд они отказываются идти.

Несколько решительных заочных приговоров с предложением милиции о приведении в исполнение немедленно по истечении 7-дневного срока для отзыва, несколько заочных решений с предварительным исполнением, неукоснительные штрафы за неявку свидетелей—быстро разъяснили обывателям ошибочность их представлений о народном суде, как о чем-то нереальном.

Далее, пришлось внушать уважение к суду.

По началу было не редкостью, что публика сидела в камере в шапках, беседуя и расхаживая с большой непринужденностью; обвиняемые и свидетели отходили от стола и садились, не дожидаясь разрешения; на вопросы отвечали сидя, развалившись с сугубою непринужденностью, заложив руки в карманы; дежурные милиционеры допускали бе-

суждений его, начинали действовать. Обсудив декрет, исполком избрал трех судей: Артамонова, Емельянова и меня. Получив назначение, мы обдумали создавшееся положение и 4 или 5 декабря приступили к разгону старых мировых судей.

Придя в камеру мирового судьи Ново-Андроньевского участка, мы застали судью за работой и предложили ему немедленно сдать все дела и освободить от своего присутствия помещение. Судья не протестовал и, произнеся громкую фразу «подчиняюсь силе оружия», начал сдавать дела. Эта весть о смещении судьи Ново-Андроньевского участка с быстротой молнии разнеслась и по другим судебным камерам Рогожско-Симоновского района и когда мы пришли в другие участки, то застали запертые на замок камеры. Не только судьи, но и весь канцелярский состав бросил работу. Мы заставляли одних курьеров, которые, конечно, были на нашей стороне. Что было делать? Судей-то мы отстранили легко, но как соорудить новое дело, в котором большинство из нас было новичками. Людей было мало и мне помнится, что на мою долю пришлось три судебных участка: Ново-Андроньевский, Таганский и Покровский. Потом уже в 1918 г. я принял Рогожско-Симоновский.

Первым делом, по принятии участков, я начал разыскивать старый канцелярский состав сотрудников, но никто из них на мой зов не откликнулся. Пришлось и технически организовать самим. Канцеляристы, хотя и не принадлежали к буржуазии, но шли на поводу у мировых судей, которые в это время созвали общее собрание, на котором постановили прекратить работу, так как Рогожско-Симоновский район допустил самоуправство. В то время выходили еще «Русские Ведомости», которые удивлялись нашей «дерзости», называя нас «анархистами». Но «анархисты» не

сиды с приведенными арестованными; конвоиры из тюрем в ультимативной форме требовали заслушать их дело татчас же, грозя тем, что уведут арестантов обратно.

Со всем этим приходилось бороться методично и неуклонно. Чувствовалось нашептываемое контрреволюционерами нарочитое, а отнюдь не случайное, пренебрежение к новому пролетарскому суду.

Соответствующая дисциплина установилась без особых мер воздействия.

Была другая сторона, с которой бороться было гораздо труднее. Тяжущиеся, а особенно часто представители милиции и советских учреждений, выступавшие обвинителями, обращаясь к суду, прежде всего, аттестовали себя, как большевика, левого эсера, анархиста или советского работника, и всем своим поведением стремились подчеркнуть *urbī et orbī*, что вот, мол, вы—такие-сякие буржуи и прочее, а я пришел к товарищам, которые, конечно, станут на мою сторону и вам пропишут. Усиленно подчеркивая свое исключительное интимно-близкое отношение к суду, они через два слова в третьем говорили: «товарищи-судьи», «я—большевик» («анархист, левый эсер») и неукоснительно характеризовали своих противников, как не признающих советской власти, черносотенцев и пр. Сначала мы не обращали на это

унались, а стали работать. При Московском совете образовалась юридическая комиссия, в которой тов. Черлюнчакевич прочел доклад по организационным вопросам, и мы начали налаживать судебный аппарат. Позднее уже эта комиссия заседала в Кремле в здании судебных установлений. Я хорошо помню одно из таких заседаний, на котором присутствовало человек 15, в том числе Черлюнчакевич, бывший в это время уже организатором и председателем совнарсуда, Курский, Чегодаев, Пашуканис, Мотягин, Молочков и др.

На этом заседании постановили приступить к работе и занятию, в первую очередь, разгрузкой арестантских дел. Тогда же обсуждались вопросы об устройстве суда, о составе следователей, о том, как вести протоколы, как писать приговоры, о значении свидетельских показаний, о защите и т. д., и т. д. Заседание затянулось, так как большинство из новых судей ничего в этом деле не знали, и хотя и полагались на свою революционную совесть, но с первых же шагов стремились учиться.

И только в январе 1918 года мы приступили к публичному разбору дел. Причем в камере набиралось столько людей, что было трудно работать. Приходили рабочие, которые с гордостью и уважением смотрели на своих народных судей, приходили и буржуа, и мелкие торговцы посмотреть на «чудаков», которые что-то пытаются разбирать, приходили и старые судьи и юристы, которые с напряженным вниманием слушали и следили, как мы ведем процесс. Атмосфера была повышенная и заставляла удваивать и так кипучую энергию.

Мне пришлось разбирать одно дело, которое ярко запечатлелось у меня в памяти. Полотеры натерли полы в квартире у генерала Яхонтова. По их уходе была обнаружена пропажа бриллиантового кольца. Один из полотеров, парень лет 18—19, был задержан и привлечен в качестве об-

виняемого. На суде предстал и потерпевший—генерал Яхонтов. Обвиняемый не имел защитника. Тогда из публики вышел видный криминалист—прис. пов. Лидов и принял на себя защиту. Когда я прочитал приговор, по которому обвиняемому было назначено условное осуждение, то публика была поражена. Даже потерпевший ген. Яхонтов не удержался и громко произнес: «Вот это настоящий народный суд, не только наказывает, а на самом деле исправляет. Такого справедливого приговора я еще никогда не слышал». Тоже самое было и в Покровском участке. Когда мы первый раз вынесли условное осуждение, то вся публика отнеслась к этому с каким-то радостным сочувствием. Все почувствовали, что суд творит какое-то большое, новое, пролетарское дело.

Вообще, надо сказать, что первые наши приговоры были очень гуманны. Зачастую мы выносили общественное познание, налагали небольшие штрафы; я не помню, чтобы кто-нибудь был приговорен более, чем к двухлетнему тюремному заключению. Самое горячее участие в суде принимали рабочие, не было случая, чтобы мы ждали заседателей, наоборот, от них не было отбоя. В каждом рабочем проснулось великое желание творить свое собственное пролетарское право.

Гражданских коммерческих дел почти не было; буржуазия нам не доверяла. Но та же самая буржуазия использовала нас, засыпав суды бракоразводными делами и делами по усыновлению. Защитников было немного, но те, кто любил свою профессию, те приходили к нам не только слушать дела, но и с желанием вместе с нами работать. Это было время глубочайшего революционного порыва, ломки всех старых устоев, создания великого трудового, пролетарского государства!

Так закончил свои воспоминания тов. Ломакин.

внимания, просто по привычке к обращению «товарищ», но потом чутьем, особо развивающимся в обстановке суда, почувствовали, что начинает создаваться нечто, пожалуй, более опасное, чем пренебрежение к суду—это заподозрение его в лицемерии, в особом отношении к «своим» людям. И мы решили: во-первых, отменить на суде обращение «товарищ», как суда к тяжущимся и свидетелям, вне зависимости от их личности, так и участвующих в деле к судьям, неукоснительно предлагая говорить: «гражданин судья, граждане судьи».

После самых фантастических словосочетаний, вроде: «господин гражданин судья», «граждане товарищи судьи» и т. п., форма обращений наладилась.

Неуместное и к делу не относящееся подчеркивание со стороны тяжущихся своей принадлежности к советским партиям и советской работе мы парализовали тем, что, вынося такому «товарищу» обвинительный приговор, добавляли: «так как вы большевик или советский работник, то вы обязаны быть особо осторожны, а потому суд применил к вам более серьезную меру наказания».

Все эти кажущиеся, на первый взгляд, мелочными меры сыграли, по моему глубокому убеждению, большую роль в том, что прежнее повальное враждебно-подозрительное и крайне недру-

желюбное отношение к суду мелко-буржуазных элементов сменилось полным уважением и доверием.

А практика народных местных судов воочию показала в ряде процессов даже и самым маловерным, что понятие «классовый пролетарский суд» совсем не равнозначуще с понятием суда, в котором прав всегда и при всех обстоятельствах пролетарий и бедняк и всегда виновен и проигрывает дело их противник. А такое воззрение было очень сильно.

И нельзя скрывать и того, что почти ни одна сессия не проходила без того, чтобы по поводу того или иного случая нам в совещательной комнате не приходилось беседовать принципиально на эту тему. Но я должен отметить, что в моей более чем полугодовой практике не было ни одного случая, где бы восторжествовала такая примитивная точка зрения на классовый характер суда. Заседатели даже в самых соблазнительных случаях стояли на почве полного беспристрастия и нелицеприятия.

Участие в суде женщин вначале встречалось косо и скептически. Это не выражалось в каких-либо конкретных проявлениях, но опять-таки чувствовалось.

Первые дни сессии с заседателем-женщиной носили особый отпечаток: чуялось неодобрительное-ироническое отношение к такой затее, но опять

Должно добавить, что тов. Ломакин является истинным пролетарием и до революции работал слесарем на заводе Подобедова «Рускабель».

Одиноков, Артемий Иванович, народный судья Бутырского участка с 1919 г.

Тов. Одиноков охотно поделился с нами своими воспоминаниями.

«В самый разгар отчаянной стрельбы, это было 26 октября 1917 г., я с фронта вернулся в Москву.

Поселился я на своей старой квартире при камере Бутырского мирового участка, где еще в мирное время я служил письмоводителем. Я был в то время беспартийным и не знал что предпринять: оставаться ли на военной службе, или снова вернуться на судебскую работу.

Так длилось до декабря, когда в один прекрасный день к нам в камеру явилась, во главе с тов. Барановым, комиссия Бутырского районного совета и, не застав никого в камере, передала через курьера Ключкова приказ всем сотрудникам оставаться на своих местах и продолжать работу. Сотрудницы нашей канцелярии, две девушки, не знали, как поступить: подчиниться ли приказу, или, из солидарности ко всем городским служащим, начать саботаж. Они уже собрались перепутать все бумаги, но потом решили обратиться ко мне. Я запротестовал и убеждал их быть благоразумными. Мои доводы на них подействовали и наша канцелярия, одна из редчайших в Москве, не подверглась бессмысленному разгрому.

Тов. Баранов, узнав от курьера Ключкова, что я—бывший письмоводитель, предложил мне работать секретарем в суде. Я охотно согласился.

Как-то раз ко мне в камеру пришел тов. Баранов и пригласил меня пойти с ним в орга-

низованную тогда при Московском совете юридическую комиссию.

Я хорошо помню, с каким интересом я отнесся к этому предложению. Заседание было деловое, но очень оживленное: обсуждался вопрос, что делать со старыми судьями и канцеляристами. Уже было решено никого не трогать, а, наоборот, предложить старому составу суда продолжать работу, как присутствовавший на заседании тов. Артамонов заявил, что у себя, в Рогожско-Симоновском районе, они уже разогнали всех судей. Это «анархическое», как некоторые на заседании комиссии говорили, выступление района все же пришлось признать совершившимся фактом; на заседании до этого сообщения получилась разногласия: одни требовали удаления старого состава судебных работников; другие, боясь, что мы не сумеем справиться, доказывали, что разгонять судей еще рано.

Придя к себе домой, я написал судье Халатову, моему бывшему патрону, официальную бумагу с предложением сдать дела. Я помню, с каким высокомерием Халатов мне ответил, что по этому вопросу собрание мировых судей будет иметь свое суждение. Не обратив внимания на слова царского бюрократа, я пригрозил ему милицией. Вся спесь с Халатова слетела и он, пробормотав что-то о «вашей власти», приступил к сдаче дел.

Первое дело слушалось, насколько я помню, 8 января. С заседателями дело налажено не было и призывались к этому от случая к случаю разные лица. Судили еще по старым законам и ссылались на Устав о наказаниях.

Рабочие толпами приходили в суд и интересовались новым делом.

Большую роль в популяризации нашего Бутырского народного суда сыграл курьер Ключков. Он любил выпить. Сидя за столиком в трактире

таки удивительно быстро ступевалось это рожущее, непривычное для глаз публики впечатление и как-то совсем незаметно усвоилось и вошло в сознание, как естественное и нужное.

Перехожу к самому главному вопросу—о правотворчестве народного суда.

Не буду касаться норм процессуальных, ибо практика московского суда установила, что эти нормы вырабатываются в коллегии народных судей и предлагаются в качестве инструкции к руководству и выполнению.

Остановлюсь на творчестве материального права, уголовного и гражданского.

У меня лично точка зрения на роли судьи и заседателей такая. Судья, мимо которого проходят десятки тех взятых из пролетарских слоев представителей, которые приносят с собою из толщ народных масс правовые воззрения, присутствующие этим массам, прошедших ту или иную школу пролетарской дисциплины, проникнувшихся хотя бы отчасти специфической пролетарской психологией; судья, которые 6 дней проводит с ними в самой непосредственной близости, часто по 8 и более часов непрерывно, должен быть своего рода резонатором, отбирающим определенные, ярко звучащие и отчетливые тона; он—не граммофон, записывающий решительно все, что прозвучит; он должен быть глух к естественным и довольно

часто звучащим фальшивым нотам, далеким от пролетарской этики; но полные, ясные ноты, повторяю, он должен уметь улавливать и уметь вместе с тем педалировать звучащие в его психике ноты, если они диссонировать с теми.

И вот я обычно держусь такого правила. В совещательной комнате, проанализировав материал судебного следствия, я спрашиваю сначала о доказанности факта, затем о вменении вины и, наконец, о каре. В этой последней стадии совещания я обычно задаю вопрос: «как вы думаете, товарищи, чего обвиняемый заслуживает», и стараюсь избегать, по возможности, указания на действовавшее и действующее право. Это наиболее интересный и важный момент. И тут я убедился с достаточной очевидностью, что не только прежнее право, но и наши некоторые декреты не отвечают народному правосознанию.

Наиболее яркими мне кажутся следующие расхождения народной совести с существовавшими и существующими правовыми воззрениями. Во-первых, признавая допустимость отмены наказания по делам об обидах и оскорблениях по заявлению потерпевшего, народ относится неодобрительно к прекращению миром дел о побоях (конечно, серьезных) и легких ранах, очевидно, усматривая здесь момент публично-правовой и, надо сказать, с большим основанием, ибо, конечно, лю-

ва Бутырской заставой, он хвалил и новые порядки, и новый суд, уверяя всех и каждого, что раз письмоводитель прежний, стало-быть, все в порядке и судят по-старому. Не взирая на эту нелогичность, посетители кабаков, мелкие и крупные торговцы, поверили Ключкову и через некоторое время в нашей камере можно было видеть самую разрошперстную публику.

Я смело могу утверждать, что жизненная и рабочая правда в приговорах народного суда поражала не только рабочих, но и буржуазные элементы, и всю мелко-мещанскую обывательщину Бутырского района. Теперь мы уже окрепли, отбили всех врагов и прочно встали на ноги—закончил свои воспоминания тов. Одинокоев—и как-то особенно приятно вспомнить то время бури и натиска, когда каждый живой, энергичный, революционный рабочий всем своим пролетарским сознанием рвался к новому, неизведанному, лучшему будущему. Мы, судьи, сознаем, что нам надо еще много и упорно работать над самими собой, чтобы еще ближе, еще вдумчивее откликаться на чаяния и стремления быстро развивающейся рабочей массы».

Давыдова—народный судья Таганского участка.

(Заметка т. Давыдовой).

«24 ноября 1917 года был издан декрет № 1 о Народном Суде. 27-го ноября был избран народным судьей Рогожско-Сим. района тов. Ломакин и предложил мне принять участие в организации народных судов, так как в этот момент был общий саботаж интеллигенции и, в частности, городских служащих. Я в то время была учительницей и бросить школу не могла в виду общего саботажа учителей, но взялась одновременно по-

ди, прибегающие не только к брани, но и к рукоприкладству и даже тем или иным тупым и острым орудиям, очевидно, небезопасны, вообще, для общества. Во-вторых, отношение к пьянству со стороны заседателей безусловно мягкое. То изменение ст. 42, которое внесено врем. правительством (большой штраф, арест и даже тюрьма до 1½ лет.), им кажется несообразным ни с чем, и за появление в состоянии явного опьянения в публичном месте мы только штрафуем в размере, в среднем, трехдневного заработка провинившегося.

Далее, наказание лиходателей за дачу или предложение взяток в подавляющем большинстве случаев заседателям кажется несправедливым. Здесь говорит вековая привычка к продажному и корыстному начальству, которое способно причинить гадость и совершенно невинному человеку, привычка, не могущая, конечно, атрофироваться при нынешних нравах милиции Красной гвардии и разных безчисленных комиссий с их безапелляционными распоряжениями. Ведь, скрыть нельзя, каким махровым цветком распустилось взяточничество и всякий произвол в огромном ряде наших учреждений. И, конечно, народ не может винить человека, который, боясь, как бы не нажить беды, прибегает к старинному, привычному всегда ранее и часто и теперь действительно средству—взятке.

Арестовав человека за буйство, продержав в

могать тов. Ломакину. В первый раз, когда мы пришли в Ново-Андроньевскую камеру, то застали там одного курьера, груды неразобранных дел и нераспечатанных протоколов, в камере был целый лес штывков конвоиров, доставивших арестованных, являлось много обывателей за справками об арестованных и различными просьбами. Всех мы должны были удовлетворить. Через три недели я была избрана пленумом Рогожского совета в народные судьи и приняла у т. Ломакина Таганскую камеру.

Помню, в первое заседание было назначено 19 дел. Приступая к разбору дел, я боялась, что, как женщина, я встречу недоверчивое, враждебное отношение, но удивления со стороны присутствующих замечено не было, в зале заседания сохранился порядок и приговор выслушивался с серьезным вниманием. Буржуазия, рабочие, иногда старые судьи приходили послушать разбор дела и не было ни одного случая неуважительного отношения к народному суду.

Первый раз, когда я пришла на собрание судей в совнарсуд, там, в числе других 14—15 человек судей, была еще женщина-судья тов. Пилацкая, которую я встречала по старой, подпольной партийной работе в 1906—1907 году. Собрания происходили еженедельно под председательством Черлюнчакевича в тесном товарищеском кружке, вокруг зеленого стола; обсуждались процессуальные нормы, постепенно выработывался весь процесс. Поздно ночью, впотьмах, при стрельбе, возвращались мы с тов. Ломакиным пешком от Каменного моста за Рогожскую заставу.

Вскоре подобрался штат сотрудников. Под руководством совнарсула, безощадно борясь со спекулянтами и взяточниками и мягко подходя к случайно совершившим преступление рабочим, нарсудьи развивали и укрепляли работу в судах».

холодной, утром не выпустили: помощник комиссара не разобрался еще; его жена идет в комиссариат, справляется; обещают разобрать дело; она ждет; опять просит; опять обещают; опять она ждет; часы идут, а муж все сидит в клоповнике; и вот она решается: робко подходит к начальству и что-то протягивает; он хватает ее за руку; там—кредитка и... в результате—обвинение в предложении взятки.

А такие случаи, с маленькими вариациями,—бытовое явление.

Или другой случай. Вез рабочий, или извозчик, или дворник пуд муки из деревни (конечно, для себя). Красногвардеец заметил, задержал, привел в комиссариат; грозит конфискация муки, за которую здесь надо платить 300 руб.

Вспоминаются доставленному самые «достоверные» случаи, когда Красная гвардия и милиция делили меж собой отобранные продукты, делили чуть не на глазах у тех, у кого отобрали, и думается ему: а не попробовать ли потратить еще руб. 50—100 на «смазку», авось, вернут муку; все же будет выгоднее, чем покупать в Москве у спекулянта,—и опять суд.

Трудно заседателю проникнуться воззрением на преступность лиходательства в таких или аналогичных (а их большинство) случаях.

Наконец, к мелкой спекуляции (продажа пашпирос выше нормальной цены, разных с'естных

Первые дни жизни народного суда в Петрограде.

В первые дни Октябрьской революции ответственные руководители нашего правительства долго и серьезно обсуждали вопрос о подходе к буржуазным судам. В то время, когда революция беспощадно смела с лица земли всякие буржуазные учреждения и предприятия, не останавливаясь перед продовольственными органами и банками, вековое воспитание «уважения к суду» сделало свое дело и... в этом вопросе медлили. Целый месяц еще после революции суды продолжали свою работу, руководствуясь буржуазным законодательством, произнося приговоры именем «временного правительства».

Жизнь однако не ждала. В питерских районах стихийно возникли суды под различными наименованиями: трибуналы, следкомиссии с судебными функциями и т. д. Наконец, в № 17 газеты «Временного Рабочего и Крестьянского Правительства» от 24 ноября 1917 года появился декрет о суде (№ 1), который упразднял все существовавшие тогда суды: сенат, судебные палаты, окружные суды и пр., заменив их местными (избираемыми советами) судами и трибуналами. Старые чиновники буржуазной юстиции, начиная со всякого вида и ранга председателей и кончая делопроизводителями, примкнули к саботажу интеллигенции. Собрание всей петроградской магистратуры, во главе с председателем судебной палаты и председателем окружного суда небезызвестным Рейнбо-

том, с участием адвокатуры, которая впервые удостоилась чести находиться в едином собрании с магистратурой — решило покинуть службу и занять выжидательную позицию. Остались верными революции одни лишь курьеры и сторожа. В ночь на 30 ноября, в здании окружного суда появился тов. Дамберг с несколькими вооруженными солдатами и объявил, что он, по уполномочию Рабоче-Крестьянского Правительства, берет дальнейшее управление делами суда на себя. Он созвал собрание младшего персонала, распределил между ними обязанности и, нужно сказать, что товарищи курьеры и сторожа оказали советскому суду на первых порах громадную помощь. Тов. Дамберг вызвал повестками старых судей и прокуроров и потребовал сдачи дел и денег. Часть из них явилась на это приглашение добровольно, к другим же пришлось применять меры принуждения. Начался разгон всех старых судебных учреждений Петрограда...

Вот отдельные воспоминания действующих лиц. О закрытии коммерческого суда передает т. Ш. следующее: «Это было около 15 ноября по старому стилю, ровно пять лет тому назад. Зал заседаний коммерческого суда и кулуары полны публикой. Здесь тяжущиеся, свидетели, адвокаты во фраках. Давно уже начался судебный день. Уже рассмотрено несколько дел, по которым суд вынес решение «именем временного правительства», как это делалось

продуктов) замечается очень недвусмысленно-снижательное в общем отношении, так как в подавляющем большинстве случаев обвиняемыми являются или безработные, или старики и старухи, или дети. И сильных репрессий здесь ждать нельзя.

В вопросах гражданского права резко и определенно выявилось отношение к искам об алиментях. Таковые по искам жен к мужьям на детей удовлетворяются неукоснительно и в крупных размерах. Вообще же, к делам гражданским заседатели относятся довольно безучастно и, за редкими исключениями, активности не проявляют. Чувствуется, что еще не успели выкристаллизоваться правовые отправные точки в переживаемую переходную эпоху.

Характерно отношение к тюремному заключению для лиц, впервые судящихся. Условное осуждение часто, по обстоятельству дела, в связи с личностью обвиняемого, является плохим исходом; назначение же тюрьмы, на которую заседатели единодушно смотрят, как на место нравственной порчи, кажется им очень неподходящим. Иногда решаются на тюрьму только в надежде, что советская власть сделает тюрьму местом исправления, а не школой преступности, а иногда, довольно часто в результате долгих колебаний, выносится приговор об условном освобождении с обязательством уехать в деревню, более здоровую для слабых нравственно обстановку.

В заключение несколько слов о крупных делах. Отсутствие в таких делах защиты, это — больное место народного местного суда.

При всем стремлении дать подсудимому возможность использовать все в свою защиту (показания родных, которые приглашаются всегда сказать свое слово о подсудимом, прямые подсказывания со стороны суда) — в общем, подсудимые неравноправная сторона в процессе, где нет опытного защитника в противовес обвинению, представленному милицией.

И теперь, когда народный суд окончательно окреп, необходимо устранить этот дефект и безотлагательно приступить к созданию в первую голову института уголовных правозаступников при местном суде, чтобы не стали повторяться те случаи, которые бывали в старых окружных судах, когда присяжные выносили оправдательные приговоры подсудимым только потому, что у них защитником был незнакомившийся с делом безтолковый «кандидат на судебные должности».

Нельзя требовать, чтобы суд, как теперь, был одновременно и обвинителем, и защитником, и судьей, — одним словом, каким-то Соломоном XX века.

А. Р. Кадич *).

*) Настоящая статья принадлежит перу т. Саврасова (псевдоним Кадич) и была напечатана в журнале „Пролетарская Революция и Право“ № 2—1918 г.

во всех судах в течение почти месяца после установления советской власти.

Было три часа дня. За пюпитрами два приносящих стряпчих со стороны истца и ответчика. За судейским столом пять судей в мундирах, с судейской цепью на шее. Стороны дают объяснения. Как вдруг, с кулуаров донесся необычайный шум, громкий разговор. Двери раскрылись и в зал заседания вошло человек десять вооруженных красногвардейцев. Комиссар предложил немедленно прекратить заседание. Трудно описать, какое ошеломляющее впечатление это произвело в первую минуту.

Прервать вооруженной силой начавшееся судебное заседание! Это было неслыханным доселе нарушением самых основных законов.

Все засуетились, судьи заволновались. Председатель потребовал составления протокола, чтобы зафиксировать это «ужасное преступление» и привлечь виновных к законной ответственности.

Комиссар охотно согласился на составление протокола и подписью своей скрепил все те объяснения, какие в протокол занесли судьи и некоторые из понятых.

Комиссар после сего попросил чествовать не только зал заседания, но и все, вообще, здание суда, которое он тщательно опечатаал. Провозились довольно долго, часа два, все успели уже отделаться от первого впечатления. Успокоились. Даже стали шутить.

— Ладно. Печатайте, через неделю откроете...

Тогда еще многие глубоко верили, что жизнь советской власти определяется неделями, что к новому году (1918) она покончит свое существование, все разошлись с легким сердцем и в веселом настроении: красногвардейцы оттого, что выполнили свое задание, адвокаты и судьи—что получили маленькую передышку от кредиторов. Огорчены были только истцы,—что дела их теперь, раньше, как через неделю, не будут слушаться... А через неделю, действительно, открылся суд, но «суд народный».

О разгоне мирового суда 10 участка, продолжавшего до 15 декабря, как и многие другие «мирошки», произносить приговоры от имени «временного правительства», рассказывает письмоводительница этого участка тов. Степанова: «Я была письмоводительницей мирового суда 10 участка, когда настали дни Октябрьской революции. Наш суд продолжал работать до 15 декабря. 2 декабря нам стало известно, что в ночь на это число в с'езд пришел представитель новой власти, поставил там охрану и что утром, председатель с'езда начал сдавать дела. Наконец, 15 декабря дошла очередь и до нашей камеры. Во время заседания в камеру вошли—женщина, красноармеец и рабочий с оружейного завода и поставили караул. Заседание было прекращено. Публика спокойно ушла. Пришедшие запечатали помещение. Вскоре затем нас вызвали для сдачи дел. Мы выполнили сдачу очень быстро, так как у нас все было к этому готово. Мы ждали совершившегося со дня на день».

После разгона старых судов, советы взяли энергично за насаждение революционных судов. Были выделены на должность судей товарищи, которые, не имея опыта и практики, приступили к этим тяжелым обязанностям, но с этой задачей

они справились вполне удовлетворительно, руководствуясь пролетарским чутьем.

Начали постепенно возвращаться одуроченные младшие канцелярские служащие, имевшие уже опыт в постановке канцелярского дела. В суды обращались в то время по самым разнообразным делам и, в первую очередь, тысячами с бракоразводными делами. Вскрылся гнойный нарыв—буржуазная семья! Любопытный эпизод о первом бракосочетании по форме нового брачного права передает один из ЗАГС-ов. Выполнив чуждый всяких буржуазных церемоний краткий опрос жениха и невесты и услышав вопросительный возглас: «И это все?»,—регистратор брака решил, что нужно еще что-нибудь добавить к обряду, и предложил: «Теперь поцелуйтесь». И жених, и невеста облюбызались в уверенности, что осуществляют одну из формальностей нового гражданского брака.

В 1918 году президиум совета народных судей издал «Наказ народным судам».

Обращает на себя внимание п. 5 Наказа, главы «Слушание дела»: «Суд при постановлении приговора или решения действует по совести, руководствуясь декретами народных комиссаров и настоящими правилами, а прежними законами, процессуальными и материальными, постольку, поскольку они не противоречат духу революционных законов». Этот пункт практического значения для питерских судов не имел, ибо старые законы были уже сметены, да и судьи их, к счастью, не знали и пользоваться не могли. Пункт этот свидетельствует лишний раз, как осторожно мы подходили к ломке буржуазных судов. Очень скоро наш народ суднискал к себе уважение и авторитет не только среди трудящихся, но и среди врагов. Правда, в то время Питер давал лучшие свои силы на эту работу. Нужно подчеркнуть, что с первого дня существования нарсудов в течение всех пяти лет в единственном городе Республики—Питере—все судьи были членами РКП и они сумели сразу провести выдержанную классовую пролетарскую линию.

Прошло пять лет, за эти годы питерский народ суд переживал всякие испытания. Были моменты, когда по партийной мобилизации мобилизовывались почти все наличные судьи. Сейчас же на смену их выдвигались новые товарищи. Я вспоминаю, как я, будучи нарсудьей, был мобилизован в 1919 году на фронт и в течение трех дней подготавливал несколько практикантов для занятия должности нарсудьи. Отдельные из этих товарищей работают и до сих пор. Во время наступлений на Питер судьи работали своевременно в своих камерах, а остальное время были в казармах, в своих частях. И тем не менее, суд в Питере сумел удержаться на должной высоте.

Эти пять лет выработали небольшой, правда, слой из передовых рабочих, настоящих спецов советского права, перед которыми бледнеют лучшие из старых юристов.

Теперь наш суд, имеющий за собой пять тяжелых во всех отношениях лет, может спокойно взять на себя роль действительно единого народного суда. Это было все время для всех судебных работников идеалом, к осуществлению которого мы чрезвычайно близки.

Ф. Нахимсон.

Местные воспоминания.

О деятельности народного суда в 1917—1918 годах.

Кто имел счастье приобщиться к строительству суда с самого начала Октябрьской революции, тот пережил вместе с народным судом те мучения и трудности, которые были связаны с развитием и ростом его. Все этапы нашей революции отразились полностью на аппарате суда и определили тот зигзагообразный тернистый путь, по которому медленно, с трудом, с колоссальными препятствиями продвигалась вперед колесница народного суда.

Воспоминания невольно носят несколько автобиографический характер, так как они связаны с личными наблюдениями и впечатлениями. Медленно, с трудом проникает в толщу масс и с меньшим трудом в толщу интеллигенции порыв к революционным действиям. А где уже мыслить в области суда революционные действия, когда суду не уделено было внимания в дооктябрьский период ни в литературе, ни в практической агитационной и пропагандистской работе. Немудрено, что вопросам судебного устройства было посвящено столь мало внимания в ближайшее время после Октябрьской революции. Хотя первый декрет

о суде № 1 был опубликован менее, чем через месяц после Октябрьской революции, а именно 24-го ноября 1917 года, в № 17-газеты «Временного Рабочего и Крестьянского Правительства», но декрет оставлял совершенно открытым вопрос о судьбе гражданских дел ценой выше 3.000 руб. и уголовных дел, по которым обвиняемому угрожает наказание свыше 2 лет лишения свободы. Этот пробел был восполнен лишь через три месяца, 21-го февраля 1918 года, когда декрет № 2 об окружных народных судах был опубликован в № 29 газеты «Рабочего и Крестьянского Правительства», а 7 марта в № 26 «Собр. Узак».

Отсутствие руководящих разъяснений принципиального характера о взглядах правительства на новый суд в первый же период организации его вызвало на местах ряд неразрешимых вопросов.

Могилев представлял собою очаг контр-революции, корниловщины, где ставка вместе с своими вассалами—бутафорскими, армейскими комитетами без солдатских масс, вместе с Черновым, Ав-

Новый судья.

(Опыт характеристики *).

I.

Нельзя приступать к судебной работе, не создав себе ясного представления о роли судьи, о задачах судебного решения, о том отличии требований, какие предъявляет новое время к судье сравнительно с судьей дореволюционным.

Задача дать характеристику нового судьи, без которого неосуществимы никакие программы и законы судопроизводства, настолько сложна и обширна, что могла бы служить темой серьезного доклада или монографии, но нам представляется, что сегодняшней юбилейный день нужно не только оглядываться назад, вспоминая пройденный путь, но нельзя не взглянуть вдумчиво в разветвляющееся и неотвратимо требующее ответа предстоящее, и что поэтому неизбежно сделать попытку очертить хотя бы основные контуры того судьи, который явится действительным носителем права и проявителем воли величайшего рабочего-крестьянского коллектива.

Для того, чтобы охарактеризовать нового судью, необходимо уяснить, прежде всего, то, что требуется от судьи наших дней, каким должно быть содержание его работы, а так как судья зани-

мается тем, что «решает дела», и продуктом его работы являются судебные решения, то, прежде всего, необходимо выяснить, какое внутреннее содержание ищет теперь в решениях суда современный юрист и деятель советского права.

II.

Что значит «решить дело»? Какие действия и приемы это решение подразумевает и обнимает? Из каких элементов складывается судебное решение? Вот несколько вопросов, таких, повидимому, простых, но и таких существенных, которые должны быть уяснены себе каждым судьей для успешной работы. Казалось бы, чего проще. Решить дело, не значит ли это выслушать тяжущихся, проверить представленные доказательства и... решить. Однако, всякий добросовестный судебный работник не может не ощущать ежедневно, до какой степени сложна эта кажущаяся такой простой схема и как много вопросов встает в каждой частности, из которой она складывается. И первый из этих вопросов, основной и необходимый,— уяснение конечной цели и назначения самого процесса. Что должен дать тот ответ на предъявленный сторонами запрос, который имеет решение дела? Должна ли в этом ответе прозвучать «правда—справедливость», т.-е. высшее соответствие судебного веления требованиям морали, добра и т. п. понятий, должен ли он отыскать «правду-истину», т.-е. вскрыть действительную сущность всей сложности переплетающихся в данном случае взаимоотношений, должен ли судья, как такой

* Помещаем статью тов. Рындзюнского, которая очень близко подходит к нашему пониманию роли пролетарского судьи и представляет интерес в смысле выявления точки зрения опытного советского юриста. Редакция.

ксентьевым, Гоцем и другими героями того периода, делала попытки поднять знамя восстания в армии против советской власти.—Могилев был пропитан насквозь духом противодействия новой власти. Этому способствовало также подавляющее влияние эсеров и меньшевиков и полное отсутствие индустриального пролетариата, а также всегдашняя чиновничья физиономия города.

Вот при каких условиях должен был создаваться новый суд в Могилеве. Представлялось еще неясным, в каком виде нужно организовать суд, что сохранить и что отбросить. Чтобы выйти из этого положения, исполком командировал меня в Петроград 20-го декабря 1917 года «для ознакомления с постановкой дела реорганизации судов», как было сказано в мандате.

Немедленно по приезде, я отправился в здание 6. министерства юстиции, где принял меня в пальто и галошах член коллегии Наркомюста Алгасов. Помещение почти не отапливалось, работали на ходу; было заметно почти полное отсутствие работников. Алгасов куда-то спешил, но успел объяснить мне, что он работает в нескольких комиссариатах, что поэтому он не может посвящать юстиции много времени, что, однако, не существенно, так как центр все равно не посягает на автономию мест, а сам ждет опыта мест и желает у них учиться.

Между прочим, Алгасов сообщил мне интересные подробности, как был создан декрет № 1, а именно, что по вопросу о полной ликвидации судов в самой коллегии и в Совете Народных Комиссаров были серьезные разногласия. Он и его партийные единомышленники—левые эсеры—были

противниками мысли существовавших судебных учреждений, а стояли за их реорганизацию с оставлением в должностях личного состава чинов судебного ведомства, но со значительным их обновлением, но что большевики находили необходимым совершенно уничтожить прежний аппарат суда, чтобы на его развалинах создать новый суд.

Алгасов выражал сомнение, к чему приведет эта ломка, удастся ли, действительно, создать авторитетный суд, который хорошо мог бы ориентироваться в том законодательстве, которое будет издано в самое ближайшее время. Тогда, как известно, предполагалась переработка Уголовного Уложения 1903 года и кодификация основных кодексов старого законодательства. По словам Алгасова, кардинальный вопрос о полной ликвидации судов был решен в положительном смысле, главным образом, по практическим соображениям: саботаж интеллигенции был такой упорный и злостный, что не было абсолютно никаких гарантий в том, что наличный состав судебных работников пожелает работать с новой властью, а что, наоборот, были данные, которые могли свидетельствовать с полной уверенностью, что в области суда саботаж и противодействие мероприятиям новой власти достигнут таких размеров и выльются в такую опасную форму, что лучше жить вовсе без суда несколько месяцев, ограничиваясь наиболее примитивной формой народного суда, чем сохранить старый аппарат суда.

Судьба старого суда была решена. Так, был закрыт в Петрограде сенат и старые судебные установления.

же, как и сами тяжущиеся, член данного общества и продукт данной среды, только более спокойный, беспристрастный и опытный, найти наиболее жизненное, целесообразное разрешение спора, улаживающее, по возможности, все трения и устанавливающее «худой мир, лучше доброй ссоры», должен ли судья своим повелительным словом насаждать такой правопорядок, который, мнится, как наилучший, как идеальный, хотя бы он и не отвечал железным законам реальной действительности. должен ли судья укладывать кипящую перед ним жизнь в прокрустово ложе писанного закона, или, наоборот, отвергнуть всякие стеснения, сломать рамки действующих норм и руководствоваться лишь своим правосознанием, чутьем и пониманием момента, его исторического и политического существа и направления? Каждая из этих возможностей (а наряду с приведенными не исключены и иные подходы к истолкованию задачи суда) дает свое направление его работе, иной уклон исследования дела и иной угол его восприятия. Попробуем же отыскать среди них таковое положение, которое бы, по возможности, наиболее отвечало, как достижениям современной юридической мысли, так и особенностям переживаемой нами перестройки общественных сил и еще не успокоившейся напряженной борьбы за укрепление достигнутых завоеваний революции.

III.

Для этого необходимо уяснить еще такие вопросы: чего хотят те, для которых непосред-

ственно и возбуждается деятельность суда, сами тяжущиеся, и для удовлетворения каких потребностей и функций создан гражданский суд государством? Первый из них разрешается просто: тяжущиеся ищут наиболее житейского и удобного для их обихода, отвечающего их личным потребностям решения спора; ни истец, ни ответчик не нуждаются в выяснении теоретических глубин вопроса, искусности научных построений, искании отвлеченной справедливости или устроении общественной и политической жизни; во всех случаях они, как обыватели, прибегают к государственному аппарату для получения содействия в достижении личных целей весьма обыденного характера, которых они не в состоянии обеспечить своим непосредственным воздействием. Для них всегда это требование частного-правового порядка, связь которого с общегосударственным строем вряд ли ощущается в какой-нибудь степени. Эти стремления тяжущихся, однако, далеко не совпадают с запросами, предъявляемыми суду со стороны государства, ибо оно признает необходимым затрачивать свою энергию на вмешательство и разбор разрозненных и сравнительно незначительных случаев для непосредственного приложения своих правотворческих идей, пользуясь ими, как каналом, по которому можно непосредственно и активно вмешаться в устроение жизненных отношений; ввести в жизнь практическое и конкретное осуществление отвлеченного веления закона, покоящегося на принципах известного миропонимания, известного правового построения. Частич-

Когда я был в Петрограде, уже начался раскол среди адвокатуры по вопросу об отношении к новому суду. Что адвокаты должны игнорировать этот суд,—это представлялось совершенно неоспоримым в адвокатской среде и не вызывало сомнений; не могло быть и речи о примирении с «захватнической» властью и с ее судами или, как тогда говорили, с ее «судилищами». Но начавшийся ряд процессов в революционных трибуналах и в народных судах вызвал раскол: одни находили, что дело защиты столь священо, что можно «не признавать суда разбойников», что когда речь идет о защите «несчастных», попавших в их лапы, то переговоры и разговоры с разбойниками отнюдь не означают «признания» их. Другие же категорически настаивали на том, что даже такое техническое общение с врагом, хотя бы в качестве представителей своего рода Красного креста все-таки обозначает «признание» новой власти, чего допустить нельзя ни в каком случае.

Некоторые адвокаты, не дожидаясь решения совета присяжных поверенных, фактически продолжавшего свое существование и после его официального упразднения, а также решения общего собрания присяжных поверенных, стали выступать в новых судах. Сторонником безоговорочного участия адвокатов в суде, интересно отметить, был бывший министр юстиции временного правительства А. С. Зарудный. Я имел возможность переговорить с А. С. Зарудным подробно о реформе суда. Содержание беседы с ним было весьма характерным по тогдашним временам.

Вопрос коснулся щекотливой темы—признания советской власти. «Я не понимаю—сказал А. С.

Зарудный—в чем дело: почему февральская революция была законнорожденной, а Октябрьская уже незаконнорожденная? Тут непоследовательность. Я считаю софизмом слова: «Признаем Октябрьскую революцию только, как факт». «Билетный кассир по железной дороге, у которого мы покупали билет, есть агент новой власти и игнорировать мы его не можем, как не можем игнорировать и тысячи других деловых отношений гражданина с властью в нашей повседневной жизни».

В особенности, интересным оказалось отношение А. С. Зарудного к новому суду. Он не только находил, что нужно принимать в организации суда самое деятельное участие, но и что нужно делиться опытом мест в печати, чтобы общими усилиями создать наиболее совершенный суд. В устах А. С. Зарудного, бывшего только недавно министром юстиции, особенно ценны были те его слова о старом суде, из которых было видно, что сломка и уничтожение его не доставляют ему ни малейшего сожаления, что он в вопросах организации суда настроен весьма радикально.

Весьма характерны эти различия взглядов на старый суд у народного социалиста Зарудного и у левых эс-эров, возглавлявших в то время Наркомюст.

Мне пришлось еще раз увидеть А. С. Зарудного почти через 5 лет, летом сего года, когда я, в качестве представителя НКЮ при председателе ВЦИК тов. Калинин, посетил Ялту. Я пришел в помещение народного суда, но оказалось, что народный судья занят в судебном заседании; я полукоткрыл дверь и вошел в небольшой зал,

правовой интерес отдельных тяжущихся трактуется под углом основной, общегосударственной правовой идеи и верховная воля государственного коллектива. Вряд ли можно найти другой путь, более конкретно применяющий отвлеченные принципы руководящих идей ко всей частности и злободневности жизни, и вот почему так верно указание на то, что суд есть орган власти и орудие властвования, один из внешних способов диктатуры правящей силы.

Итак, верховная власть, строя суд, желает видеть в нем не только технический аппарат для обеспечения внешнего мира и установления необходимой защиты против самоуправства и мести, но и правотворящую силу проводника руководящих начал государственного строя, средство для прививки и претворения в жизни отвлеченных правовых идей, положенных в основу желаемого строя. Отвечая этим двум одинаково категорическим требованиям, судья должен найти самого себя и в этом ответе он найдет также и ответ на первый основной вопрос о цели судебного решения, а, следовательно, и о направлении мысли и деятельности судьи; таким ответом может быть только сочетание обоих начал, только примирение обоих, казалось бы, противоречивых притязаний. Судья, таким образом, должен, с одной стороны, находить применение основной идеи государственного строя к повседневным жизненным казусам и этим практическим воздействием содействовать всеобщему усвоению ее, а с другой стороны, устранять конкретные противоре-

чия и столкновения, находя им разрешение в принципах этой же основной отвлеченной идеи; отсюда следует с неизбежностью, что ни отвлеченная идея абсолютной справедливости, ни подробное выявление всей сложности факторов, слагающих данный случай, ни обывательское добрососедское разрешение спора, ни упорство догматика-реформатора не пригодны для правильного отправления судейской работы. Судья есть политическая сила, на почве основной политической идеи, находящая жизненно приемлемое и конкретно осуществимое решение спора, применяющая веления верховной правящей власти, выражаемые в законах, сообразно со всеми особенностями и сложностями жизненных сплетений и обеспечивающая устойчивость, единообразие и охрану правоотношений, находящих опору в актуально действующем праве. Отсюда ясно и то, что судья есть чувствительная пластинка, непрерывно улавливающая новые потребности в области права, предвещающая законодательство и кристаллизующая нарождающиеся правовые идеи. Суд есть живой организм, имеющий питающие его корни в двух направлениях: с одной стороны, во всей кровотокающей злободневности жизни с ее противоречиями и самодовлеющей сущностью, а с другой стороны, в отвлеченной руководящей политической идее, на основе которой строится здание государственного единства и правопорядка.

IV.

Для проявления себя в указанном направлении судья в каждом деле имеет в своем рас-

где в тот момент говорил защитник. Я узнал голос и характерную фигуру А. С. Зарудного.

В речи его, между прочим, попадались такие места: «...Только в пролетарском суде, свободном от пут формальностей, мыслимо выяснить...»; «только наше законодательство отводит в процессе столь широкое место выяснению и изучению личности обвиняемого».

Перед отъездом из Петрограда я был у Алгасова, но определенных директив, как строить суд, в конце-концов не получил. «Делайте как вы находите лучшим»—были его слова: «Мы сами нуждаемся в том, чтобы дать свободные условия для творчества мест, и мы потом подведем итоги».

Из Петроград в Могилев я поехал через Москву.

В Москве я явился в бывшее здание судебных установлений в Кремле и здесь впервые познакомился с нынешним Народным Комиссаром Юстиции тов. Д. И. Курским, который тогда был Комиссаром юстиции гор. Москвы и Московской области.

Тов. Курский ознакомил меня подробно с работами комиссариата, а, в особенности, с декретом о третейском суде, который им был разработан и уже издан в пределах гор. Москвы и Московской области. Этот декрет заслуживал тогда особого внимания, так как не было совершенно никакого суда с подсудностью свыше 3.000 рублей по гражданским делам. Хотя третейские суды, организованные тов. Д. И. Курским, являлись пока паллиативом, но все-таки по тому времени крайне необходимым и назревшим. Только через 2 месяца декрет о третейских судах, уже действовав-

ший в гор. Москве и Московской губернии, был издан с некоторыми изменениями центральной властью и появился в № 30 газеты «Рабочего и Крестьянского Правительства» от 22 февраля 1918 года, а в «Собрании Узаконений» 14 марта 1918 года, в № 28.

В Москве народные суды были уже организованы и действовали.

По возвращении в Могилев я сделал доклад на губернском съезде рабочих депутатов и организация судов по плану, одобренному на этом съезде, начинает проводиться в жизнь;

Но дело судебной реформы было прервано, так как Могилевская губерния сделалась ареной гражданской войны. Засевшие в пределах этой губернии, особенно в Быхове и Рогачеве, польские легионеры явились оплотом контр-революции. Национальное движение в Польше тогда сильно разрослось, охватив польские националистические и патриотически-настроенные круги. Впоследствии это движение перекинулось в недры легионеров и вызвало образование специального оккупационного округа с довольно обширной территорией в виде треугольника, основанием которого служили Могилев и Жлобин, вершиной Минск, а центром—Бобруйск. Это изобретение польского генерала русской службы Довбор-Мусницкого появилось позже немного, в марте 1918 года, но Могилевский исполком начал борьбу против образования нового фронта против Советской России немедленно, как только обнаружили признаки агрессивности со стороны легионеров. Был издан декрет губисполкома от 16 января 1918 года об аресте польских помещиков губернии, членов ка-

поряжении казус, т.-е. то сплетение жизненных отношений, то противоположение интересов и требований, которое ему преподносят для разрешения стороны, и в этом казусе он должен найти материальную правду, т.-е. освоить и охватить сущность и существо фактических данных, то, что называется в математике условиями задачи, а для нее найти правду формальную, т.-е. облечь ее в такие формы, дать ей такой вид и разрешение, которое наиболее соответствовало бы сущности идеального правопорядка. Здесь мы подходим к определению наиболее соответствующего задаче способа работы суда, а это сводится к установлению пределов его актуальности, инициативы и самостоятельности в уяснении дела. Принцип состязательности, лежащий в основе современного гражданского процесса, рисовал себе судью, как бесстрастного свидетеля поединка тяжущихся, удостоверяющего в заключение победу, одержанную одним из бойцов, вея задача которого состояла лишь в обеспечении равных и спокойных условий для состязания, или как своеобразную счетную машинку, на которой стороны поочередно нажимали кнопки и которая в результате выкидывала какой-то цифровой итог; действительное, живое участие судьи исключалось, он не имел права ни сделать попытки вызвать у тяжущегося что-либо, о чем тот не сообщил по своей инициативе, ни указать ему наилучший способ защиты или необходимость заполнить пробел в его доказательствах. Принцип состязательности обрекал судью на роль своеобразного автомата, который имел право воспринимать лишь то, что в нее вносится тяжущимся,

и ограничивал свою задачу и роль подсчетом и перевариванием этого чуждого ему материала с целью получения некоторого итога, именуемого решением.

Решение дела начиналось в совещательной комнате после того, как все кончилось, стороны исчерпали свои силы и запасы, когда конья и стрелы переломлены до конца. Суд не был органически в процессе работы связан с тяжущимися, их поединок протекал только за их страх и совесть, где суд играл роль арбитра во французской борьбе, наблюдающего за соблюдением правил поединка и провозглашающего победу.

Современная мысль строит процесс иначе, как активное отношение суда к тяжущимся и их совместную работу, а это, разумеется, влечет его самостоятельность и активную помощь тяжущимся.

Эта мысль, впрочем, не чужда европейскому юристу и если ст. 367 уст. гражданского судопроизв. содержит такое запрещение: «Суд ни в каком случае не собирает сам доказательств или справок, а основывает решения исключительно на доказательствах, представленных тяжущимся», то в ст. 182 австрийского устава гражд. судопроизв. 1895 г. можно прочесть: «Председательствующий должен посредством предложенных сторонам вопросов или иным образом способствовать тому, чтобы стороны указали существенные для разрешения дела обстоятельства... и, вообще, дали объяснения обо всем, что может оказаться необходимым для установления согласно истине обстоятельств, служащих основанием прав и требований их».

детской партии. Началась форменная война с легионерами. Неизвестно, чем она кончилась бы, если бы первоначальные переговоры тов. Троцкого в Бресте не были прерваны. Началось наступление немцев и Могилев был оставлен. Этот период, вообще, до сих пор не освещен в печати, хотя он вполне заслуживает этого: судебное преобразование было сорвано до того времени, когда в конце лета того же года, 31-го октября 1918 г., советские войска вновь заняли Могилев на основании дополнительного договора с немцами.

Разумеется, в оккупационный период суд почти не функционировал вовсе, но Могилев находился в исключительном положении в смысле близости к границе. За мостом на другом берегу Днепра уже находилась Советская Россия. В Могилеве граждане оставались, как в клетке. Никуда нельзя было ехать без пропуска, не было ни почты, ни телеграфа, ни газет, кроме местной архиепископской и на редкость антисемитской газетки, которая не уступала по своему темпераменту бывшему Крушевскому органу печати, а также печальной памяти «Новому Времени».

А там, за рекой, била ключом жизнь. Предместье г. Могилева—Луполово—сделалось местом, где сосредоточены были красноармейские части, уездные советские власти и учреждения.

В Луполове я занял должность судьи и, живя в Могилеве, ежедневно ходил в камеру через мост. Местные жители получали от властей пропуски и свободно проходили через мост. Камера находилась в трех минутах ходьбы от места.

Луполово представляло собою 3-й судебный участок гор. Могилева, но камера находилась в

городе, в помещении с'езда мировых судей; пришлось перевести ее с делами и инвентарем. Так как немцы могли отказать в переотправке дел и имущества камеры через мост, пришлось сделать так. Был написан приказ на имя секретаря судьи на русском и немецком языках о немедленном переводе камеры через мост на Луполово. Секретарь исполнил в точности; немецкие часовые почитали, почитали, убедились, что бумага выдана за номером и печатью, осмотрели телегу с имуществом камеры и пропустили через мост.

Народный суд с первого же дня своего существования вызвал к себе большое доверие. Заседатели-рабочие являлись аккуратно и заседания суда вызвали большой интерес в населении. Гражданские дела имели своим предметом, преимущественно, неисполнение ранее совершенных договоров, требования о содержании детей. Народный суд чутко относился к положению женщины в семье, не затягивал таких дел, по которым требовалось немедленное исполнение, причем суд часто сам принимал меры к скорейшему исполнению решения. Уголовные дела были сравнительно несложны,—преимущественно, кражи, оскорбления, мошенничества. Народные заседатели вносили много нового и оригинального своим житейским подходом к делам. Отсутствие кодексов и всяких формальных требований позволяло суду решать дело в пользу обиженной стороны, хотя бы сторона и пыталась обосновать свои претензии на всяких документах. Чувствовал ли сам суд, что он нуждается в кодексах для разрешения дел, или что ему необходимо прибегать к старым законам? Нет, этого мы не чувствовали. Произошло ли

М.

Наш проект Гражданского Процессуального Кодекса стоит на последней точке зрения и в ст. 9 постановляет: «Суд разъясняет обращающимся к нему сторонам их процессуальные права и предупреждает о последствиях, связанных с процессуальными действиями или упущениями их», а ст. 134 и 137 предоставляет суду «предложить сторонам представить дополнительные доказательства или предпринять по собственному почину нужные поверочные действия». Можно спорить, достаточны ли эти рамки для проявления самостоятельности суда, но, во всяком случае, мы уже покончили, надо думать, с судьей немым и безучастным, с судьей, характеризуемым словами: «и на челе его высоком не отразилось ничего». Вести судебный процесс в народном суде судья будет равно и благожелательно к обоим сторонам, доколе не установлена определенными фактами их недобросовестность, но твердой рукой помогая слабейшему и добывая из достаточного для исследования материала все нужное и полезное для выяснения действительной сущности взаимоотношений и настоящей причины столкновения интересов и прав. Активно вмешиваясь в выяснение спора, отбрасывая ненужное и излишнее, требуя разъяснения недосказанного, предупреждая о последствиях тех или иных действий и упущений, указывая на права, определенно предоставляемые законом, судья должен твердой рукой вести течение процесса, чтобы не быть игрушкой в руках тягущихся, служащей для их частных, иногда скрытых

интересов и расчетов; и когда в пределах возможного житейская сторона и фактическая сущность спора для суда разъяснились, судья должен найти соответствующую этой именно сущности законодательную норму, признающую или отвергающую право каждой из сторон и выясняющую общую волю государственного коллектива применительно к данному случаю, и если общее направление советского законодательства, основные его предпосылки вросли в сознание судьи, то применение нормы закона будет правильно как с общегосударственной, так и частно-правовой точки зрения.

Итак, судья, как бодрая и здоровая сила, питающаяся соками революции, судья, идущий навстречу и в помощь слабейшему, судья, благожелательно воспринимающий всякое добросовестное притязание стороны, самолично проверяющий и свободно оценивающий доводы и доказательства, судья, стремящийся уяснить жизненную сущность разрешаемого спора, судья, понимающий далекие идеалы революции и действительные пределы их осуществления, чувствующий действительное намерение законодателя и знающий конкретные нормы, им установленные для сегодняшнего дня, когда он выносит решение—такой судья найдет это нужное решение и такое решение в пределах человеческих достижений будет новым, жизненным, в высшей степени действительным фактом построения и устройства жизни на новых началах. Пожелаем в день юбилея и в преддверии новой работы, многотрудной, но и дающей большое удовлетворение, успеха новому судье.

Г. Рындзюнский.

это потому, что дела были сравнительно несложны, что объективная обстановка не была еще запутана, или потому, что пролетарский суд впервые почувствовал полный простор для неограниченного проявления, без всяких помех, своей классовой совести при решении дел.

По крайней мере, тогда не чувствовалось провала в работе суда,—что вот, мол, нет кодексов и суду без них трудно обойтись.

Это явление я также наблюдал, когда я участвовал в Сенненском уездном съезде народных судей куда я приезжал, как Луполовский народный судья, и приглядывался к персональному составу судей и к тем делам, которые поступали в уездный съезд по кассационным жалобам на решения и приговоры местных народных судей.

Еще летом 1918 года одним из нарсудов Сенненского уезда было вынесено по уголовному делу интересное определение, по которому народный суд нашел возможным прекратить, за примирением сторон, дело по обвинению в присвоении. Суд мотивировал свое определение тем, что признаки присвоения и самоуправства во многих житейских случаях совпадают и подчеркнул ту мысль, что для нового суда не обязательны старые воззрения на преступления, совершение которых преследовалось то в публичном порядке, то в частном порядке.

Даже непролетарский состав судей, под влиянием авторитета советской власти, проникался в своей повседневной работе, вместе с народными заседателями, новыми, как бы свежими взглядами на то, что справедливо, правильно и полезно для трудового общества.

31-го октября 1918 года, в 9 часов утра, немцы покинули Могилев, а в 9½ час. в город вступили ревком и войска.

Мировые судьи были немедленно заменены народными судьями, была произведена реорганизация суда, сейчас же в Могилев переехал народный окружной суд из Мстиславля, служившего губернским центром. Вскоре было издано положение о народном суде 30-го ноября 1918 года, собрался съезд народных судей и избрал президиум первого губсовнарсуда.

В течение всего периода существования губсовнарсуда в Могилеве до перевода его в Гомель, сделавшийся губцентром, я принимал участие в его работе, как председатель. Этот период является наиболее устойчивым, так как наступили более нормальные условия для работы. К сожалению, в состав президиума губсовнарсуда проникли примазавшиеся, которые разлагали работу. Они не остановились пред явным неправосудием, когда, например, по делу одного из членов президиума другой член президиума, который должен был фигурировать в деле свидетелем, оказался председателем по тому делу, по которому он должен был выступить свидетелем, и т. д. В результате, на Гомельском съезде народных судей мне одному уже пришлось отчитываться пред съездом за работу нарсудов.

Описание этого периода—первой половины 1919 года—выходит за пределы поставленной темы. В другой раз.

И. Славин.

Закрытие иркутских судебных установлений.

В дореволюционный период Иркутск в судебном отношении был центром всей Восточной Сибири: иркутской судебной палате были подведены все суды от Красноярска до Владивостока, включая Якутскую область и Туруханский край, а находящийся при этой палате совет присяжных поверенных ведал всеми присяжными поверенными, практиковавшими на этой обширнейшей территории; здесь был сконцентрирован цвет магистратуры и адвокатуры Сибири.

Февральская революция судебных установлений, находящихся в г. Иркутске, почти не коснулась: председатель судебной палаты, председатель окружного суда, равно и все члены таковых, остались на своих прежних местах и продолжали отправлять традиционное правосудие, хотя уже не по указу его императорского величества, а по указу временного правительства; только прокурор палаты и прокурор окружного суда были смещены со своих мест и заменены—первый с.р. Старынкевичем, а второй—с.р. Чепиком; да несколько присяжных поверенных, спасаясь от грозящей им отправки в действующую армию, изменили своему адвокатскому фракту, променяв его на чиновничий мундир члена суда и товарища прокурора. И только всего. В судебной области февральской революции хватило только на это.

Других реформ в иркутских судебных установлениях не произошло в это время, да и не предвиделось впереди. Хлопотал, вспоминая, еще в эти дни прис. повер. Стравинский о введении в Иркутской губернии института присяжных заседателей; но из этих хлопот его так ничего и не вышло: институт присяжных заседателей, которым так гордились творцы судебных учреждений 64-го года, институт, отпраздновавший в Европейской России 50-летний юбилей своего благополучного существования,—этот институт до Иркутска и всей Восточной Сибири так и не докатился. Представители народа в судах Восточной Сибири появились впервые за всю новейшую историю Сибири лишь только в лице «очередных (ныне именуемых народными) заседателей», которых дала народу не царская власть и не керенщина, а большевики, власть рабоче-крестьянская.

Но этот дар дался не даром; это политическое завоевание было завоеванием в буквальном смысле этого слова. В течение 10-ти дней—с 8-го по 18-е декабря 1917 года—на улицах Иркутска шла непрерывная война: тысячи рабочих и солдат, руководимые большевиками—с одной стороны, а с другой—юнкерские училища, военные школы и казацкие сотни под предводительством с.р.—и револьверами, и винтовками, и гранатами, и

пулеметами, и целыми батареями пушек решали дальнейшую судьбу власти в Иркутске: сдать ли таковую представителям интересов пролетариата и беднейшего крестьянства—большевикам, или же продолжать эс-эровствовать, продолжать перелицовывать, подкрашивать старую царскую власть эксплуатации и порабощения трудящихся.

В гряде дымящихся развалин чуть ли не целых кварталов города, среди многочисленных трупов убитых, под вопли многочисленных раненых пришлось большевикам начинать в Иркутске организацию местных органов рабоче-крестьянского государства.

Собрались, вспоминая, 25-го декабря 1917 года в большом зале дома Второва, что на углу Лаврентьевского переулка и Б. Тразезниковской улицы, на общее партийное собрание. Избрали президиум собрания из товарищей Янсона (ныне члена ревкома Дальвостока), Гаврилова (замученного семеновцами), Гершевича (повешенного чехо-словаками), при секретаре Парнякове (убитом колчаковцами). Обсудили, постановили и приступили к немедленному проведению в жизнь декретов Рабоче-Крестьянского Правительства.

Как же начали в Иркутске проводить в жизнь декрет о суде от 24-го ноября 1917 года; как начали организовывать там советский суд?

В первых числах января 1918 года—кажется, 3-го января—иду в Лаврентьевский переулок, в д. Второва, где назначено на 5 часов вечера 1-е собрание партийных товарищей для организации работы по открытию советского суда. Собралось в небольшой комнатке человек 5—10: т.т. Плаксин, Фальковский, Юльков, Клейман (Васильев) Андерсон, Спиридонов, Шварц. Вид у всех пролетарский; многие в солдатских шинелях; из судебных работников никого. Открыли заседание. Председательствует тов. Плаксин—рабочий с Поволжья, есылный, лет 30—35, нервный, в солдатской шинели и в очках, лицо умное, твердое, решительное. Я доложил содержание только-что успешного дойти до Иркутска декрета о суде от 24-го ноября 1917 года, ставшего впоследствии именоваться декретом о суде № 1. Недолго обсуждали. Поручили мне в самый кратчайший срок произвести закрытие иркутских судебных установлений, для чего, равно как и для дальнейшей постепенной ликвидации их, в помощь мне тут же избрали т.т. Андерсона, Спиридонова и Шварца, коим в этот же день «Комитетом советских организаций Восточной Сибири», за подписью председателя комитета т. Янсона, выданы были удостоверения в том, что т. Андерсон назначается комиссаром иркутского окружного суда, т. Шварц—комиссаром иркутской судебной палаты, а тов. Спиридонов—комиссаром прокурорского надзора, что при иркутской судебной палате и при иркутском окружном суде. Наметили на означенном собрании кое-кого из присутствующих и в следственную комиссию, в коей уже начала ощущаться острая пужда. Помню, как многие из товарищей с некоторою робостью, как бы конфузясь за полное свое незнание и неопытность в судебной работе, решались, в конце-концов, братья за возлагаемые на них задачи по организации советских судов. Как сейчас помню, например, тов. Клеймана, конфузливо недоумевающего, каким он может быть следователем, когда в этом деле он совершенно незнаком, когда к

судебной деятельности он и склонности не имеет никакой, когда даже на собрании этом он оказался только по странной случайности, ибо, имея склонность к просветительной работе, пришел сюда на заседание культурно-просветительной комиссии, которая где-то в этом же здании должна была в эти же самые часы заседать, но что вот затянут сюда в эту комиссию товарищем (указывает на меня), а тут, вдруг, говорят: «будь следователем». «Какой же я следователь; разве я в силах достойно для советской власти выполнять столь ответственную и важную работу». Долго пришлось уговаривать тов. Клеймана, обещая ему всяческое содействие в его работе. И стал он, в конце-концов, председателем следственной комиссии при Иркутском революционном трибунале. И какой получился из него впоследствии следователь! Весь буржуазный Иркутск трепетал тов. Клеймана, склонного, как он утверждал, только к культурно-просветительной работе. Собрание было недолгое. Избрали местом нахождения «судебного отдела советских организаций Восточной Сибири»—так именовано было наше новое учреждение—помещение военного окружного суда, что по Большой улице, против театра, где и сейчас помещаются совнарсуд и прокурор Иркутской губернии; наметили президиум этого судебного отдела (Новосадский, Плаксин и Наркевич) и стали расходиться.

4-го января, часов в 12 дня, я отправился в здание иркутских судебных установлений, имея смутную надежду, что выпавшее на мою долю партийное поручение—закрыть старые суды—мне удастся выполнить каким-либо мирным путем, не прибегая к какому бы то ни было насилию. Знал, правда, я, что правительствующий сенат подчинился требованию вышеуказанного декрета о суде, уступая только силе, и что он в момент роспуска своего специальным указом, разосланным в судебные палаты, рекомендовал и последним закрываться, только уступая силе; копию такого указа сената я как-то видел в канцелярии иркутской судебной палаты. Но мне думалось, что после того, как иркутская буржуазия дала большевикам вышеотмеченный бой и проиграла этот бой—какое бы то ни было сопротивление бесполезно, совершенно неуместно. Мне думалось, что и палата, и суд, и прокуратура сами пойдут навстречу требованию новой власти и облегчат мне выполнение для меня неприятного поручения закрытия старых судебных установлений. Повторяю, хоть маленькую, но все же имел я надежду, если не на дружеский, то, во всяком случае, на вполне приемлемый для обеих сторон исход этого дела. Сводить с кем то ни было какие бы то ни было счеты, грубить, унижать, «разгонять» и т. д.—у меня не было решительно никакого желания.

Когда я вошел в здание судебных установлений, то, прежде всего, зашел в свою комнату—комнату адвокатов. Мои коллеги по профессии, коих в это время было в комнате человек 5—10, начинают вставать, улыбаться, иронически кланяться и некоторые из них, шутливо называя меня вашим превосходительством, начинают удивленно спрашивать: неужели я дерзну закрывать свою alma mater. Вижу—дело плохо; серьезно не хотят взглянуть на закрытие судебных установлений даже ближайшие сотрудники по профессии,

Иду по корридору суда и вижу, что знакомые судьи—члены суда—не только не раскланиваются, а прямо шарахаются от меня, как от зачумленного. Захожу в кабинет тов. председателя суда по гражданскому отделению; говорю ему, что нужно, вот, закрыть и суд, и палату; как бы это устроить по-хорошему, без всякого гнева и упрёка; он на это залепетал мне что-то такое, что я поспешил выйти от него. Взглянул я на пишущую и бегающую кругом «канцелярию» суда (бывшая здесь одна из служащих палаты и еще кто-то свиснула по моему адресу) и решил, что идти мне еще к председателю палаты, которого я всегда считал великим царедворцем, совершенно бесполезно при выяснившемся сейчас для меня настроении судебных работников. Вышел я из здания судебных установлений и решил действовать иначе. Розыскал т.т. Андерсона, Спиридонова и Шварца; составил для каждого из них по акту сдачи дел, кассы и т. п., по акту закрытия палаты, суда и прокуратуры; акты эти, указав им, они должны предъявить на подпись председателю судебной палаты, председателю окружного суда, прокурору палаты и прокурору суда и направил их мирно и безболезненно, но быстро и решительно действовать. Возможности физического противодействия к закрытию судебных установлений я не предполагал, а потому вооруженной силы решено было не брать.

Вечером 5-го января т.т. Шварц, Спиридонов и Андерсон информировали меня о подробностях закрытия в этот день иркутских судебных установлений. Председатель палаты Ераков собрал общее собрание судей, на каковом осведомился у Шварца, будет ли применена сила, если он предъявленному ему требованию не подчинится, не закроет судебную палату; когда получился утвердительный ответ на заданный вопрос,—предъявленный Шварцем протокол был подписан безпрекословно. То же самое сделал и председатель окружного суда Смирнов, хотя, последний более невоздержанно протестовал против учиняемого «насилия», о каковом «насилии» счел даже нужным сделать—насколько помнится—отметку на подписываемом им протоколе. В прокуратуре также особых осложнений не произошло. Многие судьи, кстати сказать, считали нужным недоумевать и ехидно спраши-

вать у закрывавших судебные установления товарищей: «Отчего же это закрывать пришел не Наркевич, а вот вы, совершенно чуждые суду люди; ведь, он у вас там?». «Потому—остроумно-ядовито ответил кто-то из этих товарищей,—что тов. Наркевичу такими пустяками сейчас заниматься некогда».

Что касается военно-окружного суда Восточной Сибири, который имел свою резиденцию также в Иркутске, то его закрытие совершилось очень просто. Мы, президиум, заняли нижний этаж помещения этого суда под наш судебный отдел; вывесили объявление, что здесь помещается «Судебный отдел советских организаций Восточной Сибири», и в тот же или на другой день мне сообщили, что меня желает видеть председатель военно-окружного суда. Предо мною предстал некто в штатском (кто это был—не помню), который очень вежливо представился, как председатель или заместитель—не помню—военно-окружного суда, и изъявил желание сдать дела суда. Ему также пришлось подписать «акт отречения»; особого комиссара для ликвидации дел военно-окружного суда мы не назначали, а приемку дел поручили одному из делопроизводителей этого же суда, которого тут же приняли на службу к себе. Через несколько дней к нам стали целыми возами свозить дела разных полковых, военно-полевых и не помню уже каких судов. Всем место нашли мы в одной из задних комнат помещения нашего судебного отдела.

Так были закрыты иркутские судебные установления, просуществовавшие в Иркутске 20 лет—с 1897 по 1918 г.

Чтобы покончить в этот раз с закрытием иркутских судебных установлений—отмечу, что буржуазная печать г. Иркутска, которой большевики в то время еще не успели заткнуть горло, стала обливать большевиков грязью за учинение вышеописанного закрытия—за «насилие» над судебным ведомством, «за разгон» последнего. Эту клевету тов. Шварц опровергал специальным письмом, помещенным в 8 номере от 14-го января 1918 г. ставшей выходить тогда в Иркутске газеты «Власть Труда».

С. Наркевич.

В ПРИКАМЬЕ.

I.

В условиях упорной, повседневной, кропотливой будничной работы забываются пройденные этапы. Забываются первые шаги нашего нового строительства и упраздненные нами препятствия. Изнашиваются и выбывают из строя пионеры борьбы—первые болты и винтики сложной советской машины, и все меньше и меньше остается живых участников и свидетелей событий 1917—1918 и даже 1919 годов.

Поэтому нельзя не приветствовать инициативу редакции «Еженедельника Советской Юстиции» выпускающей к 5-й годовщине народного суда специальный номер, посвященный пятилетию существованию народного суда.

Я поделюсь воспоминаниями о строительстве народного суда в Прикамье (бывшей части Вятской губернии): Сарапульский уезд, с гор. Сарапулом, являющимся естественным центром Прикамья, имеющий в пределах своего уезда крупный оружейный Ижевский завод (гор. Ижевск), и гор. Воткинск в 1918—1919 годах служили приманкой для противников советской власти. Со второй половины 1918 года, последовательно, чрез полугодовой срок, Сарапул перенес два нашествия—учредилловцев и Колчака.

Строительство аппарата советской юстиции в эти годы является наиболее ценным и на нем необходимо остановится поподробнее.

Жизнь народного суда Сарапульского уезда можно отметить тремя этапами:

1. Народный суд первой половины 1918 года (до занятия Сарапула учредилловцами).
2. Народный суд конца второй половины 1918 года и первой половины 1919 года (период после учредилловцев до нашествия Колчака) и
3. С июня месяца 1919 года (по изгнании Колчака).

В первые месяцы 1918 года, когда только что нащупывались формы строительства аппарата советской власти, на организацию народного суда в Сарапульском уезде было обращено мало внимания. Фактически местный народный суд был введен в Сарапуле в мае месяце 1918 года. Формировался местный суд преимущественно из бывших мировых судей и адвокатов. Крестьян в судах были единицы. Рабочих совершенно не было.

Чувствовалась политическая неустойчивость такого суда. Не имелось достаточно нового законодательного материала. Сконструированный на с'езде местных судей 6—8 июня уездный совет местных народных судей руководствовался лишь царскими законами.

На «высочек», судей из крестьян, юридические столпы смотрели отрицательно, пророча им неизбежный уход с судебного поприща.

Но время шло. Разгоралась борьба. 30-го августа 1918 года ижевские учредилловцы заняли Сарапул.

Я, как оставшийся к тому времени единственным народным судьей (2-го участка гор. Сарапула) из «низов», был вскоре арестован. «Местные народные судьи» юристы, учредилловцами были призваны к «работе». Так, во время вызова из тюрьмы меня допрашивали ставший членом следственной комиссии учредилловцев, бывший местный народный судья 3-го участка гор. Сарапула, адвокат по прежней профессии, Наймушин, и бывший адвокат Егоров. Мне предъявили обвинение в том, что я, будто бы, был лично знаком с бывшим председателем Сарапульской уездной чрезвычайной комиссии. Весь же допрос в течение нескольких часов фактически был старанием убедить меня, что власть учредительного собрания лучше советской власти.

Потеряв в этом надежду, следственная комиссия предложила дать подписку не выступать, в случае освобождения из тюрьмы, на митингах и собраниях.

В том же здании, после допроса в следственной комиссии «работала» контр-разведка. Кто вызывался туда—не возвращался или возвращался избитым. Вызванный из тюрьмы вместе со мной член Сарапульского исполкома матрос Сидоров был избит контр-разведкой до того, что по лицу и шее текла кровь.

Затем мы опять были отправлены в тюрьму, а в ночь на 18-е сентября были раздеты и избиты в самой тюрьме (об этом я писал «воспоминания» в газете «Вятская правда» от 7-го ноября 1922 года).

Лишь 21-го сентября я был условно освобожден из тюрьмы, пробыв в деревне до занятия Сарапула красными войсками.

II.

30-го октября 1918 года я был назначен укомом на должность заведующего Сарапульским уездным отделом юстиции. Работы было много. Все почти юристы ушли с учредилловцами. Оказались разгромленными многие камеры местных народных судов. Увезены ценные вещественные доказательства и суммы, бывшие в старом окружном суде. Приходилось подбирать работников. Были произведены выборы нарсудей и членов следственных комиссий горсовета: Сарапульским, Ижевским и Воткинским и районными с'ездами советов по волостям. Состав суда опролетаризировался. Вопли в судьи почти исключительно крестьяне и рабочие. Юристов во всех судах осталось лишь два человека. В ноябре—декабре месяцах 1918 года по уезду были развернуты 21 участок народного суда и следственная комиссия в Сарапуле и сделано начало формирования следственных комиссий в Ижевске и Воткинске. Большинство народных судей и следователей состояло из коммунистов или относящих себя к сочувствующим.

Окружной народный суд решили не создавать. Жизнь в условиях работы того момента требовала организации кассационной инстанции. Вятка отстоит далеко и связь с нею была крайне за-

труднительна. Поэтому с согласия Вятского губ'отюста в Сарапуле 25-го января 1919 года был созван с'езд судебных деятелей Сарапульского, Елабужского и Малмыжского уездов, на каковом и был сконструирован совнарсуд на данные уезды, на те же уезды был создан революционный трибунал.

Прошло несколько месяцев мирной работы на основе Положения о едином народном суде от 30-го ноября 1918 года. В начале февраля месяца на Сарапул нашла новая туча—Колчак.

Все органы юстиции Сарапула эвакуировались в начале апреля 1919 года вместе с делами, имуществом и частью сотрудников в гор. Казань. Физически здоровые судьи-коммунисты остались защищать Сарапул в рядах коммунистической роты. Часть судей Воткинска попала в плен колчаковцам. Ижевцы прибыли в Казань совместно с эвакуированным имуществом завода. Из Ижевска они отступали с оружием в руках, под обстрелом колчаковцев. Часть оставшихся судей уезда взяли винтовки и вступили в ряды Красной армии, а остальные, за единичным исключением, прибыли в Казань или эвакуировались в уезды Вятской губернии, не занятые Колчаком.

В Казани всем прибывшим работникам был произведен учет и значительная часть наличных ответственных работников юстиции Сарапульского уезда (коммунисты) были откомандированы в распоряжение политотдела второй армии восточного фронта. Беспартийные судьи и следователи были отданы в распоряжение казанского губюста.

Для охраны дел и имущества, эвакуированных в Казань, слишком 20 судебных учреждений Сарапульского уезда был оставлен незначительный аппарат.

III.

В июне месяце 1919 года Сарапул был взят обратно красными войсками. Колчаковцы лавиной катились в Сибирь. В половине июня аппарат юстиции Сарапульского уезда вместе с большинством ответственных работников реэвакуировался из Казани и тотчас же развернул работу. Сарапульский совнарсуд и ревтрибунал, как органы параллельные вятским губернским органам (губсовнарсуду и губревтрибуналу), Наркомюстом были раскассированы, но взамен их были оставлены в Сарапуле отделения Вятского губсовнарсуда и губревтрибунала. Первое из них просуществовало поч-

ти до конца 1919 года, и второе было закрыто лишь в 1920 году.

По реэвакуации состав нарсудей и членов следственных комиссий пополнять почти не пришлось.

Выбыли лишь единицы, из них некоторые пали в бою с колчаковцами.

Так был убит в бою рабочий-коммунист, нарсудья 3-го участка гор. Сарапула тов. Кузнецов.

Тов. Кузнецов перед эвакуацией на требование Сарапульского отдела юстиции дал следующую свою биографию:

«Я—сын ремесленника сапожного цеха, проживающего в Петрограде. В силу семейных обстоятельств, своим отцом-скрягой и мачехой с 14-летнего возраста был выкинут на улицу, скитаясь по петербургским трущобам. В этих трущобах можно было сделаться негодяем или же выйти оттуда закаленным в борьбе за лучшую долю честным человеком. Я выдержал последнее, благодаря твердости, полагаю, характера, и взшел в среду трудящихся. Политическая биография моя началась с 1905 года, в январе которого был очевидцем царской расправы с рабочими, шедшими к нему за защитой. Принимая участие в рабочем движении, был гоним с фабрик, переходя с одной фабрики на другую, из города в город. В 1914 году работал на фабрике по производству механической обуви. В городе Самаре тоже участвовал в забастовке протеста избиению бакинских рабочих. 1915 года пошел в войска с целью пропаганды, отказавшись остаться на учете. С началом революции, в 1917 году, горячо принялся организовывать солдат; был выбран председателем ротного комитета, затем на с'езд румынского фронта. В городе Одессе, возвратившись со с'езда на фронт, вел борьбу с золотопогонным офицерством, которым и был заключен под стражу. Живу в Сарапуле с 18-го мая 1918 года, состою членом Сарапульского совдепа и партии коммунистов (б.)».

В товарище Кузнецове Сарапул потерял ценного народного судью-рабочего. Но в результате таких жертв и потерь выковывался у нас в Прикамье советский аппарат юстиции.

На 3-м вятском губернском с'езде деятелей юстиции, происходившем в конце 1920 года, Сарапульский уезд дал на с'езд почти столько же коммунистов-народных судей, сколько остальные 12 уездов губернии вместе с г. Вяткой.

Д. Нарманов.

НА КУБАНИ.

Народный суд в начале 1918 года.

Октябрьская революция произошла на Кубани значительно позже, чем в центре России. Только в начале 1918 года, с приходом воинских частей с Кавказского фронта, были разбиты белогвардейцы, объединенные под командой генералов Филимонова и Корнилова, и начали создаваться военно-революционные комитеты.

В процессе строительства первых советских учреждений, в пылу еще незаконченной гражданской войны стихийно и без всякой системы стали возникать и разного рода судебные, следственные и конфликтные комиссии. Эти комиссии состояли в большинстве при воинских отрядах и рассматривали все без исключения дела, главным образом, уголовного и политического характера.

В апреле 1918 года, минуя донской фронт, из Москвы был привезен 1-й декрет о местном народном суде. Комиссар юстиции Кубано-Черноморской республики тов. Старцев в короткое время при полном саботаже местной интеллигенции и большинства юристов приступил к организации местных народных судов. Но эта организация, да и то не в полной мере, была проведена только в гор. Краснодаре и в некоторых отдельных центрах Кубани. В большинстве же станиц народные суды

организованы не были, так как банды Корнилова бродили вокруг и не давали возможности приступить к мирному строительству.

Но и те народные суды, которые были организованы, существовали недолго. В июле—августе 1918 года Кубань была целиком захвачена Деникиным.

Это короткое существование первых народных судов на Кубани, тем более в условиях постоянных мобилизаций и бесконечных фронтов, оставило по себе не малый след в правосознании трудящихся.

Лично мне пришлось быть постоянным местным народным судьей в Кавказском отделе. Этот суд был введен после ликвидации местной конфликтной комиссии, которая все дела рассматривала в закрытых заседаниях и не пользовалась должным авторитетом.

С первых же дней своей работы народный суд вынужден был принимать все без исключения дела, совмещая одновременно и дежурную камеру, и особую сессию народного суда, и аппарат следствия, и даже ревтрибуналы, так как окружные народные суды организованы не были. Занятия происходили ежедневно, начиная от 6 часов утра

Крышка большевикам.

(Из ярославских воспоминаний).

I.

Декрет о суде № 1 от 24 ноября (7 декабря) 1917 года магистратурой и прокуратурой ярославского суда был положен «под сукно».

В один голос твердили:

— Неделя—две, самое большое, всем декретам и самому большевизму—крышка.

Прошел декабрь. На исходе был январь 1918 года.

Неожиданно, 24 января, ровно 2 месяца спустя, магистратура, прокуратура, адвокатура зашевелились.

Экстренное общее собрание.

В чем дело?—спрашиваю.

Оказывается пронюхали.

Исполком постановил суд закрыть и господ честных просто разогнать.

Стали рядить, судить: сдавать или нет позиции.

А тут, как-тут просится товарищ!

— Пропустите в залу общего собрания на пару словечек.

Пока происходило пожимание плечами, шущукание, в зале раздастся голос:

— С сегодняшнего дня ярославский суд объявляю упраздненным. Магистратура и прокуратура считаются уволенными. Канцелярии оставаться на месте.

И удалился.

Среди обезкураженных неожиданностью оказался один воин, старый спец, член суда, «действительный» Кашировский.

Он, было, заговорил:

— Господа! Мы должны служить народу. Нужно идти по пути нового строительства и т. д. Но его голос потонул в массе голосов.

Приняли: саботировать. Ни в каком случае, ни при каких условиях с большевиками не работать.

Спевшись, прошли мимо оставшейся «вероломной канцелярии», кинув влед:

— Большевики будут платить хорошо.

А в шкафах тисненные золотом, увесистые томы свода законов сияя пели:

— Пошли, пошли, в архив!

II.

Неудачный выбор первого комиссара суда, юнца из «кандидатов», званного до мозга костей,

и до позднего вечера (в летнее время). Работа происходила с большими трудностями, нужно было учитывать сложную ситуацию того времени и намечать первые шаги построения классового советского суда.

Небольшой зал судебных заседаний постоянно был переполнен, население живо интересовалось публичным разбором даже самых мелких дел и благодаря этому постоянно чувствовалась как бы живая связь с населением. Судебные процессы имели довольно своеобразный характер. Во время допроса обвиняемых и свидетелей со стороны аудитории нередко слышались реплики, метко определяющие характеристику допрашиваемого. Довольно часты были выступления добровольных обвинителей и защитников, которые произносили свои речи под смех или возмущение публики. Правда, эти «рыцари правды и справедливости» не всегда подходили к своим обязанностям с чистыми намерениями. Или обвинитель пользовался случаем, чтобы свести на суде свои старые счеты с подсудимыми, или защитник за свои красивые слова заранее получал приличное вознаграждение.

Особенно острый характер приобретали процессы, в которых в качестве обвиняемых привлекались матросы или фронтовики. В этих случаях в заседание суда обыкновенно являлись их товарищи по оружию, выступали свидетелями и защитниками и обязательно требовали оправдания. При этом нередко обнажалось оружие.

Наибольшее количество дел было: о расторжении браков, спекуляции и мелкой контр-революции, под понятие которой подводилось и неисполнение обязательных постановлений исполкома, и агитация, и хранение оружия. По таким

делам в качестве обвиняемых фигурировали мелкие лавочники, домовладельцы, бывшие приказчики, лица свободных профессий.

Наказание по уголовным делам назначалось сравнительно небольшое, не более 6-ти месяцев тюремного заключения, но в то время это наказание считалось довольно серьезным и таких приговоров было немного. Чаще всего за мелкие правонарушения наказание ограничивалось арестом.

Но как это ни странно, большой процент дел давали дела в порядке частного обвинения. Несмотря на то, что вокруг кипела гражданская война и разворачивались события одно важнее другого, обыватели продолжали заниматься мелкими ссорами и приносили постоянные жалобы «об оскорблении личности». По этим делам народный суд неизменно налагал денежный штраф на обе стороны и, тем не менее, количество подобных дел не уменьшалось.

Два основных качества народного суда привлекали население: это — доступность и простота. Народный суд, кроме того, что выносил приговоры и решения, в перерывах судебного заседания давал также советы по мудрым житейским вопросам. Близость народного суда к населению была самая непосредственная. И это подкупало даже врагов советской власти.

Но недолго протекала работа первых народных судов на Кубани. С приходом белых они были сметены так же, как и все советские учреждения. Только в марте 1920 года, с приходом Красной армии они возникли вновь, но уже в значительно измененном виде.

Мысовский

помешал сразу взяться за работу. Пришлось этого юнца убрать.

Подобрались новые, свежие силы.

Была образована юридическая коллегия в составе 3 товарищей, под председательством товарища из рабочих.

Секретарствовать в коллегии пришлось мне, причем вложить свой практический опыт и теоретические познания.

Вот тут-то удаленные от дел спецы стали перепробовать, как, мол, дело ладится ли у вас.

И вот, когда начали убеждаться, что и простые смертные умеют горшки лепить ничуть не хуже испытанных мастеров, пошло закидывание удочки о «местечке»: дескать, все мы готовы служить, работать вам, но нас смущает и не перевариваем мы один пункт в декрете о суде: «постольку, поскольку».

На эту удочку коллегия не дала себя изловить.

Все должности замещались товарищами, поставившими себе конечной целью борьбу за диктатуру пролетариата.

Так, мало-по-малу, были образованы трибунал, следственная часть, нарсуд, нотариат, которые к маю уже функционировали.

III.

Что творилось на стороне, в стане спецов, стоит ли говорить, когда каждому и всем об этом известно.

Под ту «крышку большевикам», которую они, спецы, вешали в декабре 1917 года, они, заодно с перхуровцами, пытались похоронить рабоче-крестьянскую власть в июле 1918 года.

Но красная кровь, пролитая на улицах Ярославля, еще алее покрыла красное знамя.

Плотна этого знамени, как огненные языки бушевавшего пожарника в 1918 году, развеваются над ярославским красным судом в 5-ю годовщину и будут развиваться до второго и далее пришествия.

IV.

В декабре 1917 года у магистратуры, прокуратуры и присной адвокатуры пришлое память.

Напомним, по зубрилке латыни:

— Est modus, in rebus.

Зерцало.

Как организовался народный суд в гор. Гжатске Смол. губ.

Октябрьский переворот стал известен в Гжатске 8 ноября 1917 г. по новому стилю. Переворот этот для гжатчан не был неожиданностью, к нему готовились и местная, правда, небольшая, но хорошо организованная и спаянная организация коммунистов-большевиков в тот же день взяла власть в свои руки и образовала Гжатский уездный исполнительный комитет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Первым председателем этого комитета был тов. Ремизов, молодой, энергичный, идейный коммунист-большевик. В первом же заседании комитета были избраны комиссары местных советских учреждений. Комиссаром юстиции был избран тов. К. А. Рачковский и ему было поручено реорганизовать существовавшую при временном правительстве юстицию и создать новую, в духе советской власти. Дело нелегкое: ни инструкций, ни указаний не дано, да и не могло быть дано. Тов. Рачковский кооптировал с согласия исполкома себе коллегия из местного политического работника тов. Горчакова и местного судебного работника тов. Воробьева. Коллегия приступила к приему дел от быв. члена окружного суда, уездного съезда, городского судьи, судебных следователей и судебного пристава. Прием дел прошел почти безболезненно. Все чины бывшего судебного ведомства сдали по описям дела, печати, штампы, вещественные доказательства, архив и обстановку своих камер—словом все, что следовало сдать. Незначительные пререкания были улажены мирным путем. По приеме дел тотчас же была организована уголовно-следственная комиссия, первым председателем которой был тов. Ростовцев, а первыми народными следователями тов. Гудоров, Курочкин и Скороходов. Текущие следственные дела целиком переданы в эту комиссию, которая тотчас же и приступила к работе. Коллегия же занялась организацией народного суда. Волисполкомами, по предложению коллегии, были избраны на должность судей по два кандидата от волости, город же дал двух канди-

датов. Уездный исполком, по проверке политической и нравственной благонадежности кандидатов, избрал из них десять судей. Были распределены участки: один в городе и девять в уезде—и народный суд начал функционировать, как первая инстанция. Второй инстанцией был местный совет народных судей, под председательством комиссара юстиции тов. Рачковского. Законом для суда было лишь одно «революционное правосознание» и краткое руководство—«Правила ведения судебных дел», составленные коллегией, которая тщательно их выработала. Народные заседатели, также своевременно были избраны исполкомом. Так суд профункционировал до издания первого декрета о суде 7-го декабря 1917 года. С получением этого декрета у суда был уже определенный закон и последующие местные распоряжения реформировали суд по указанию центральной власти. С расформированием, согласно декрета уездного совета народных судей было организовано бюро юстиции. Председатель бюро тов. Г. С. Гудоров, ныне помощник смоленского губернского прокурора, организовал юридический кружок для изучения советского права, открыл нотариальную контору, соединил участки народных судей, устроил выездные сессии в пределы уезда, а для помещения суда отвоевал лучшее здание в Гжатске, оборудовал это здание, сосредоточил в нем все судебные учреждения и приступил к организации при суде возможно полной юридической библиотеки, крайне необходимой как для судебных работников, так и для местного населения.

Многие из народных судей первого состава занимают у нас и поныне ответственнейшие должности.

Народный судья Ф. С. Миненков погиб смертью храбрых: при исполнении своих обязанностей он расстрелян белогвардейской бандой во время восстания в Гжатске и Гжатском уезде в 1918 году.

Воробьев.

Первый народный суд С. С. Р. Армении.

Докатившиеся волны рабоче-крестьянской революции, установившие после агонии майского восстания, наконец, с декабря месяца 1920 года советскую власть в исторической авансцене преддверья будированного революционного востока—Армении, резко коснулись всех сторон социального строительства государственной жизни вновь советизированной страны. Одной из первых ласточек нового строя после организации парткомов и революционных комитетов явилось налаживание агитационной трибуны революции, органов пролетарского правосудия—нарсудов, призванных рассеять буржуазную идеологию с феодальными пережитками.

Благодаря наличному кадру опытных работников юстиции центра удалось наладить одним из первых нарсуд нашего уезда. Бол-а-бол

нарсудом была налажена и коллегия правозаступников.

Первые ударные списки народных заседателей уезда показали полную связь нового правосудия с массами.

Ко дню 5-летнего юбилея молодой народный суд Армении предстает с маленьким 2-летним стажем, но лучшие работники юстиции Армении находятся сейчас в центре, в правовых отделениях факультетов обществ. наук университетов, и в ударных органах пролетарского правосудия—губсудах, готовясь путем приобретения теоретических и практических познаний к обслуживанию нужд пролетарского правосудия одной из далеких окраин нашей великой федерации.

Мамиконянц.

Судебная репрессия в цифрах за 1919—1922 г.г.

1. Народные суды.

Статистические сведения о наказаниях, наложенных на осужденных, имеются по однородной программе и относительно значительной площади, начиная только с 1919 г., так как за 1918 г. имеются только неполные сведения по гор. Москве и по нескольким уездам Новгородской губ. Но, судя по позднейшим данным гор. Москвы, числа 1918 года не должны, в общем, особенно отличаться от чисел (в процентных величинах) за 1919 год. В пределах Советской России репрессия народных судов выражается в следующих числах:

Из 100 осужденных были приговорены:

	В 1919 г.	В 1920 г.	В 1921 г.	В I полугодии 1922 г.
К лишению свободы	36	34	39	33
В том числе условно ¹⁾	30	40	44	38
К принудительн. работам без лишения свободы	8	23	28	21
„ имущественн. взысканиям	46	30	16	28
„ общественн. порицанию	6	6	6	4
„ другим наказаниям	4	7	11	14

Изменения, происшедшие в распределении наказаний, наложенных на осужденных нарсудами, находятся в определенной связи с изменениями уголовной политики и уголовного законодательства, а также с изменением подсудности нарсудов. Вплоть до второй половины 1921 года усиленно применялось лишение свободы, особенно в условной его форме, и быстро возрастало число присужденных к принудительным работам без лишения свободы, тогда как количество денежных взысканий неуклонно сокращалось. Но со второй половины 1921 года началась обратная волна: сильно сократившееся было число имущественных наказаний начинает вновь повышаться, а лишение свободы и принудительные работы приостановились в своем росте. Если сравнить числа 1919 года с соответствующими данными за 1-е полугодие 1922 года, то оказывается, что процент присужденных к лишению свободы мало изменился (36% и 33%), значительно увеличилось количество приговоренных к принудительным работам (8% и 21%), сократился процент имущественных взысканий. Очень близки, почти тождественны процентные величины 1920 года и 1-е полугодие 1922 года. Заметная разница только в рубрике «других» наказаний (7% и 14%). В эту рубрику отнесены, между прочим, и дисциплинарные взыскания, налагаемые за воинские преступления. Большое число этого рода дел (преимущественно, за дезертирство и уклонение от воинской повинности) было передано из ревтрибуналов в народные суды, чем и объясняется увеличение числа дисциплинарных наказаний по

приговорам нарсудов. В настоящее время, когда размер и квалификация наказания по Уголовному Кодексу введены в определенные, твердо установленные рамки, следует ожидать большей устойчивости и однородности в направлении уголовной политики, вообще, и, в частности, репрессии нарсудов.

При всем том ошибочно было бы предполагать, что наказания налагаются народными судами совершенно одинаково по всему пространству Советской России. Преобладающим видом наказания в 1922 году является лишение свободы (33% осужденных), за ним идут имущественные взыскания (28%) и принудительные работы (21%). Однако, по многим губерниям порядок наказаний по числу осужденных далеко отстает от среднего в связи с местными условиями и особенностями. Во многих районах на первом месте стоят имущественные взыскания, как, например, в губ.: Московской, Петроградской, Смоленской, Калужской, Тульской, Сев.-Двинской, Псковской, Вятской и Воронежской. В Царицынской и Вологодской губ. преобладают принудительные работы без лишения свободы. Но в большинстве губерний на первом месте по числу приговоров стоит все-таки лишение свободы, что и дает этому наказанию первое место и в среднем по всей России.

Из 100 присужденных к лишению свободы за 1-е полугодие 1922 года, не считая условно осужденных, были лишены свободы на срок:

До 6 месяцев	54
От 6 мес. до 1 года	21
„ 1 года „ 2 лет	14
„ 2 лет „ 3 „	6
Более 3 лет	5

Краткосрочное лишение свободы преобладает по приговорам народных судов. На срок до 1 года было лишено свободы 75% осужденных, на срок более 3 лет—5%. То же явление в еще большем размере замечается и за более ранний период. По неполным данным за 1918 год (по Москве и некоторым другим районам) на срок до 6 мес. было заключено 72% осужденных к лишению свободы (теперь 54%), на срок более 1 года—11% (теперь 25%), так что краткосрочное заключение повидимому за последнее время стало применяться менее часто*). Первое полугодие 1922 г. характеризуется подъемом дел мелкой преступности как в нарсудах, так и в ревтрибуналах (как видно будет дальше), преимущественно, по делам о неплатеже продналога (ст. 79 Уголовного Кодекса), что в общей массе повлекло к применению более легких видов наказаний. Об общем ослаблении репрессии нарсудов говорить не приходится, что можно подтвердить уже тем, что общий процент осужденных не уменьшился, а

¹⁾ Из 100 лишены свободы вообще.

*) Систематических сведений о сроках наказания до 1922 г. не собиралось.

увеличился с 63% в 1919 году до 76% в 1922 году, а процент оправданных за те же годы сократился с 37% до 24%, так что осужденные составят в 1919 и 1918 г. около двух третей, а теперь—уже три четверти подсудимых.

2. Ревтрибуналы.

Процент осужденных революционными трибуналами за последнее время увеличился так же, как и в народных судах—с 74% за 1-е полугодие 1919 года до 89% за 1-е полугодие 1922 года. Наложение на осужденных наказания в процентных величинах по полугодиям с 1919 по 1922 год таковы.

Из 100 осужденных были приговорены:

	I полугод. 1919 г.	I полугод. 1920 г.	II полугод. 1920 г.	I полугод. 1921 г.	II полугод. 1921 г.	I полугод. 1922 г.
К высшей мере наказания (расстрелу)	14	11	7	5	2	1
К лишению свободы	50	62	74	78	58	32
В том числе условно	27	40	48	45	51	60
К принудит. работам без лишения свободы	8	8	7	6	6	2
„ имущественн. взысканиям	8	6	2	1	6	49
„ общественн. порицанию	8	3	2	4	1	1
„ другим наказаниям	12	10	8	6	27	15

В репрессии ревтрибуналов происходят более резкие и частые колебания, чем в репрессии нарсудов, что отчасти зависит и от меньшей устойчивости чисел, несравненно меньших в революционных трибуналах. Так например, за 1-е полугодие 1922 года было осуждено нарсудами 448.931, а ревтрибуналами—74.548 лиц*), но, помимо численности самого материала, имеют значение, конечно, и другие причины. Наиболее резкое изменение в распределении осужденных по наказаниям произошло в 1922 году по сравнению с предыдущим периодом. Относительное число присужденных к высшей мере наказания упало до минимума (1%), число приговоренных к лишению свободы сократилось в два раза, а процент имущественных взысканий, ранее совершенно незначительный, под-

*) Более ранние числа осужденных ревтрибуналами еще меньше: так, за первое полугодие 1921 г. было всего 12.330 осужденных.

нялся до половины общего числа осужденных. Эта существенная перемена вызвана, главным образом, преобладанием в 1922 году более мелких преступлений против порядка управления, преимущественно, по неплатежу продналога (ст. 79 Уголовного Кодекса). Распределение осужденных по главнейшим видам преступности в нарсудах и ревтрибуналах дано в следующей таблице:

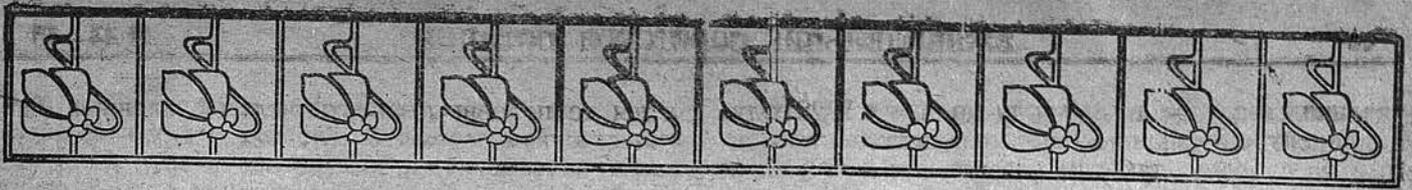
	В нарсуд.	В ревтриб.
Контр-революционн. преступл.	1	2
Преступл. против порядка управления	45	84
Должностные преступления	5	7
Преступления против личности	8	1
Имущественные преступления	30	4
Воинские	11	2

Таким образом, в революционных трибуналах еще более, чем в нарсудах за последнее время преобладают мелкие преступления против порядка управления (до 84%, в народных судах—45%), за которые, конечно, налагаются в большинстве случаев легкие наказания (штраф, краткосрочное лишение свободы), чем и объясняется кажущееся смягчение репрессии ревтрибуналов. За одни и те же преступления наказания налагаются в той же мере, как и за предыдущий период. Применение высшей меры наказания, хотя и уменьшилось за 1922 г. до 1% в среднем, но все же по отдельным трибуналам (Московскому, Саратовскому и Царицынскому) доходит до 10 и более проц. из общего числа осужденных. С другой стороны, ни одного присужденного к расстрелу не было за 6 месяцев 1922 года в ревтрибуналах: Брянском, Олонецком, Тверском, Ярославском и др.

В общем, можно сказать, что репрессия как народных судов, так и революционных трибуналов за протекшее пятилетие обнаружила достаточную степень устойчивости и закономерности, каковые качества должны еще более окрепнуть и зафиксироваться после настоящей судебной реформы, с установлением писанных норм правосудия, как Уголовный Кодекс, Уголовно-Процессуальный Кодекс и др.

Е. Тарновский.

Пятилетие Московского народного суда.

Торжественное празднование.

12-го ноября в здании Московского совнарсуда состоялось торжественное празднование пятилетия народного суда г. Москвы. Кроме судебных работников г. Москвы, присутствовали ответственные работники Народного Комиссариата Юстиции, Московского совета, МГСПС и других советских организаций. Присутствовал также член Коминтерна тов. Патц. В течение нескольких часов, приблизительно от 3 дня до 7 часов вечера, были произнесены речи, в которых отмечалось великое значение этого праздника и подводились итоги пройденного пути. Был только небольшой перерыв, в течение которого присутствовавшие перешли в другие залы, где был устроен товарищеский обед. Речи продолжались и во время обеда. Официальное торжество превратилось в непринужденную беседу в большом, но тесно спаянном товарищеском кругу, где друг друга хорошо знают и ценят. Тот необыкновенный подъем, с которым было проведено торжество, несомненно, оставил глубокое впечатление.

Вечером состоялся концерт с участием лучших московских артистических сил и празднество затянулось до трех часов ночи.

Собрание открыл приветственной речью тов. Смирнов.

«Заканчивается 5 лет существования народного суда—начал тов. Смирнов.—Главные трудности уже преодолены, хотя порой они казались непреодолимыми. Саботаж интеллигенции с самого начала Октябрьской революции заставил рабочих мозолистыми руками приняться за дело строительства суда. Нас можно упрекнуть в том, что мы совершали ошибки, подчас, весьма грубые, но ошибки всегда естественны. В самом же главном нас рабочие г. Москвы упрекнуть не могут: мы все время вели борьбу с врагами нашей революции. Гражданская война выдвинула перед судом ряд специальных задач и он их блестяще выполнил. Рабочий класс смотрит на свой суд, как на мощное орудие классовой борьбы, как на защитника своих повседневных интересов.

Теперь наступает период очень трудный в виду издания кодексов. Правда, эти кодексы, зачастую, могут облегчить работу судьи, но все-таки гораздо труднее их изучить, и, главное, легко поддаваться толкованию наших кодексов всевозможными спецами. Эта работа, несомненно, очень трудна, но мы преодолели еще большие трудности, преодолеем и эту трудность и еще более укрепим наш пролетарский суд».

Слово было предоставлено Народному Комиссару Юстиции тов. Курскому. Аплодисменты переходят в продолжительную овацию. Тов. Курский в своей речи останавливается на крайне сложной экономической и политической ситуации, в которой Советская Россия находилась в период

провозглашения НЭПа и сопутствовавшего ему законодательства. Тов. Курский отмечает, что существовало очень серьезное опасение, выдержит ли народ суд натиск со стороны НЭПа и будет ли найдена народом та линия, которая позволила бы сохранить и даже укрепить наши суды, как орудие пролетарской диктатуры, в новых условиях. При новом законодательстве московская юстиция, всегда шедшая впереди, с этой задачей справилась успешно, это все видят и чувствуют. Ныне Положение о судеустройстве устанавливает не только единую судебную систему, но, главным образом, ведет к упрочению единого народного суда, и в этом слиянии ревтрибуналов с народными судами нельзя не видеть громадного шага вперед не только в отношении единства судебной системы, но и в том, что трибуналы дадут будущему губсуду свое политическое чутье, а народные суды дадут губсуду свой разносторонний, вынесенный ими при рассмотрении самых разнообразных дел, затрагивающих повседневную жизнь самых широких масс населения, опыт. Положение о судеустройстве обеспечивает правовую устойчивость народных судей. Кроме того, сессия ВЦИК по представлению Наркомюста, приняла экстренные меры к улучшению материального положения судебных работников. По имеющимся сведениям, это положение в некоторых местах (напр. Иваново-Вознесенске, Ростове и др.) уже улучшается после перехода судов на местные средства.

Член Коллегии НКЮ тов. Бранденбургский указал на 2 периода в истории народного суда. Первый период совпал с полосой конфискаций, национализаций и суду приходилось работать в насыщенной злобой атмосфере. Второй период начинается со времени появления НЭПа, когда положение значительно осложнилось, когда судебным деятелям трудно было ориентироваться в новой обстановке. Оратор констатирует, что народные судьи справились со своей задачей, что дает уверенность в том, что и в будущем они будут на должной высоте.

Зам. преде. Московского совета тов. Богуславский в остроумной речи, которая часто прерывалась смехом и шумным одобрением всего зала, отмечает, что среди многочисленных событий, в связи с пятилетним юбилеем, обращает на себя особое внимание пятилетний юбилей Московского суда, который займет в истории революции одну из славных страниц. «Если мы после Октябрьской революции были оставлены интеллигенцией и если это оставление очень тяжело испытывалось пролетариатом, то в области суда отсутствие интеллигенции особенно тяжело отразилось. Суд—это область, где рабочий никогда не принимал никакого участия.

Когда же после октября рабочий класс стал принимать участие в строительстве суда и посы-

вать для этой цели своих представителей, то он надеялся, что классовое чутье подскажет посланным на судебную работу, где правда, и чья борьба интересов разыгрывается на суде. Хотя суд решал по революционной совести, но классовый состав суда подсказывал правильные, по существу, решения и приговоры. В последнее время судьи получили целые систематические труды—кодексы. Этот подарок суд получил от НЭПа, который готов опутать его по поговорке: «Закон—что дышло, куда повернул, туда и вышло». Ясно, что НЭП попытается использовать наши законы в свою пользу. И тут-то мы должны иметь твердые, крепкие и внимательные суды.

Что же касается материального обеспечения судебных органов в связи с возложенными на него ударными задачами, то Московский совет ставит в очередь дня этот вопрос и примет все меры к укреплению судебного аппарата. Мы признаем, что мы виноваты перед вами, но надеюсь, что вы примете во внимание смягчающие вину обстоятельства—мы отбивались от тех, кто лез в окно... В тот период времени мы не могли как следует заботиться о суде и в ответ руководителям суда мы говорили: «Что вы пристаёте, когда рабочие уже четыре дня не получали хлеба».

Мы не обещаем и не можем обещать золотые горы, да и обещаниями шубы не сошьешь. Однако, Московский совет делает все от него зависящее, чтобы органы суда стояли на должной высоте.

Бывают иногда решения, которые вызывают неудовольствие рабочих. Нужно почаще им разъяснять, ибо иногда непонимание происходит не от хорошей жизни. Вы всегда простите такие ошибки, но самое важное—сохранить теснейшую связь с массами».

С большим вниманием было выслушано приветственное слово тов. Лариной, которая еще в 1919 г. состояла народным судьей, а затем в 1920 году заместителем председателя Московского совнарсуда.

«Сегодня мне вспоминаются—начала она—те годы тяжелых лишений, когда мы работали в голоде и холоде. Особенно тяжело было, когда приходилось судить рабочего за то, что он брал самочинно кусок хлеба для своих голодных детей. Нам казалось непостижимым, чтобы вместо того, чтобы обрушиться целиком на врага-спекулянта, мы поднимаем руку на своего брата-рабочего. Нужно было много присутствия духа, нужно было выковать в себе внутреннюю железную дисциплину, чтобы понимать, что в установлении революционного порядка—дело сохранения власти рабочих и крестьян.

Лучшие силы были взяты тогда на хозяйственный фронт, на военный фронт, и мы часто одиночками в чрезвычайно тяжелых условиях вели нашу работу.

Вы теперь счастливые, вам легко; вы уже не работаете в обстановке голода и холода, вы имеете полную возможность бороться с нарушителями законов о труде и со всеми теми, которые жадно глядят, как туже набить свои карманы. Вы теперь можете, действительно, охранять интересы московских рабочих.

Последнее время я жила за границей; я видела и наблюдала, что всякие сведения и данные

о народном суде являются острым орудием пропаганды. Там, пожалуй, глубже, чем у нас, понимают значение суда, как органа власти и орудие борьбы. Наша задача—пропагандировать значение народного суда среди широких масс.

Тов. Павлов (от Московской губ. сов. профсоюзов) отметил классовое значение нашего пролетарского суда и роль московского народного суда в борьбе за охрану интересов труда и тесную связь с профсоюзами.

Тов. Лисицын—один из первых работников Московского народного суда того периода, когда, по остроумному замечанию «конферансье» торжества зам. пред. совнарсуда тов. Лунина, употреблялись лишь оловянные ложки—поделился своими воспоминаниями о том времени, когда на каждого судью в Москве приходилось по 2—3 камеры. Народный суд работал в обстановке, насыщенной недоверием и враждой. Когда впервые открылись заседания народного суда—рассказывает тов. Лисицын,—то возник вопрос, приглашать ли милиционера защитить суд от возможных эксцессов. Мы решили обойтись без милиционера, но не все судьи последовали нашему примеру и некоторые приглашали вооруженную силу. Вматриваясь в состав судей, прошедших тяжелую школу в последние годы, мы видим много рабочих судей, которые были раньше народными заседателями. Суд уже послужил весьма серьезной школой для рабочих, которые при содействии суда получили основательную закалку для будущей работы. Суду предстоит более углубленная работа и наша задача должна состоять в том, чтобы сохранить лозунги, объявленные при зарождении пролетарской юстиции: суд—трибуна, с которой внедряются в сознание масс наши идеи и законы, суд—школа, помогающая рабочему знакомиться с управлением государством, и суд—в своем составе близкий к пролетариату.

Тов. Попов—председатель Хамовнического районного совета отметил значение РКП в направлении деятельности суда, указав, что это внимание партии впредь будет еще более значительным.

Тов. Славин поделился своими впечатлениями о деятельности народного суда в провинции в минувшие годы и отметил крайне тяжелые материальные условия, в которых жили судебные работники. Лучшие силы партии и профсоюзов были брошены на военный фронт, на хозяйственный, на транспорт, наконец, в чрезвычайные органы и в трибунал. В народных судах оставались, преимущественно, беспартийные, не обладавшие достаточным авторитетом. Отсюда, происходила крайняя зависимость народного суда от местных органов власти, что, зачастую, приводило к полному обезличению его. Теперь слияние народных судов с ревтрибуналами в единую судебную систему положит конец второстепенному значению народного суда. Идея единого народного суда одержала верх и самым знаменательным в нашем пятилетнем юбилее народного суда является тот факт, что рабоче-крестьянское государство настолько окрепло, что позволяет себе роскошь отказаться от исключительных судов и исключительного судопроизводства.

Тов. Эстрин, выступавший от лица московской прокуратуры, указал в своей речи, что если

народный суд справляет пятилетний юбилей, то прокуратура также имеет 5-летний юбилей упразднения старой прокуратуры. И если теперь родилась со старым названием прокуратура, то состав ее в Москве чисто пролетарский, и можно надеяться, что с возложенными на нее задачами укрепления революционной законности прокуратура справится и явится незаменимым органом советской юстиции.

Тов. Меранвилль и Рубинштейн, члены президиума Московской коллегии защитников, выступали в разных залах, но высказались приблизительно одинаково, изложив задачи новой адвокатуры. Они указали на крайнюю трудность и сложность ее задач и на то, что, во всяком случае, суд должен видеть в адвокате сотрудника и помощника, который является с исключительной целью помочь суду. Мощное ядро коммунистов-адвокатов поручкой тому, что новые взгляды на обязанности адвоката, на методы защиты будут проведены в жизнь.

Тов. Рубинштейну отвечал народный судья при совнарсуде тов. Самбур.

«Не всегда народный судья—сказал тов. Самбур—убеждается в том, что беспартийный адвокат явился с искренней целью помочь суду разобраться в сложном деле. Особенно это бывает в гражданских делах. Ближайшие помощники судьи—народные заседатели часто упрекали меня в совещательной комнате: «зачем вы давали говорить защитнику». Старые адвокаты не отвыкли от старых приемов, они воображают, что они находятся в старом окружном суде или в судебной палате и придают преувеличенное значение всяким формальностям. Между тем, нарсуд не может придавать значение формальным моментам дела, в ущерб содержанию его и смыслу. Такие

защитники, которые приходят во что бы то ни стало «выиграть» дело, вопреки здравому смыслу и обстоятельствам дела,—такие защитники для нас чужды и вредны.

Мы поэтому горячо приветствуем тех адвокатов, которые правильно понимают свои задачи в суде».

Бурными овациями было встречено выступление члена Коминтерна, представителя французской коммунистической партии тов. Патца. Он говорил о той радости, которой преисполняется его сердце, глядя на победу великой русской революции во всех областях хозяйственной и государственной жизни страны. Он успел ознакомиться с постановкой наших судов и трибуналов, был на многих заседаниях, изучал наше законодательство и судебное устройство; он пользуется удобным случаем, чтобы выразить свое величайшее восхищение всем видным и слышанным им. Когда он вернется к себе во Францию, он унесет с собой образ тесной и сплоченной семьи судебных работников пролетарской России. Впечатление, которое он вынес, удесятерит его энтузиазм в борьбе за интересы рабочего класса и даст ему силы вдохновить и своих товарищей во Франции для дальнейшей борьбы с буржуазией.

Говорили еще представители отдела управления: тов. Орлеанский, Павлов и многие другие. Необходимо отметить остроумную речь судьи-рабочего, который сравнил работу суда с ткацкой чесальной машиной. Так же, как и из машины, выходит чистый расчесанный материал, так же и в нарсуде НЭП должен подвергнуться подобной же операции, чтобы получить прическу, которая приемлема для рабочего класса.

Празднование 5-й годовщины Октябрьской революции в Рыбинске.

6-го ноября с. г. в помещении совнарсуда состоялось торжественное заседание работников юстиции г. Рыбинска и его уезда, посвященное празднованию 5-й годовщины Октябрьской революции.

В 8 часов вечера председателем совнарсуда тов. Савиновым заседание было объявлено открытым и, по исполнению оркестром духовой музыки «Интернационала», была почтена память борцов, павших за революцию, вставанием и исполнением похоронного марша. Затем слово для доклада на тему «Об итогах пятилетнего существования советской власти» было предоставлено губернскому прокурору тов. Сыромятникову, который обрисовал вполне укрепившееся как международное, так и внутреннее положение РСФСР и вкратце отметил этапы произведенной советской властью за отчетный период времени колоссальной работы, переход ее к новой экономической политике и вступление на твердый путь строго революционной законности. После тов. Сыромятникова для доклада «О советской юстиции за 5 лет Октябрьской револю-

ции» выступил председатель совнарсуда тов. Савинов, изложивший историю развития советской юстиции, вообще, с момента организации и кончая работами 4-й сессии ВЦИК, уделившей, подобно предыдущей 3-й сессии, немало труда и времени для разрешения важнейших вопросов, связанных с советской юстицией, заключительным звеном в области коренных реформ которой является предстоящая реорганизация суда согласно последнего закона о советском судоустройстве.

По заслушании обоих докладов официальная часть заседания была объявлена закрытой, а присутствующим работникам юстиции был предложен чай; остаток вечера прошел в воспоминаниях участников Октябрьского переворота и закончился «Интернационалом» под звуки оркестра музыки.

В общем, празднование 5-й годовщины Октябрьской революции деятелями советской юстиции в г. Рыбинске явилось, действительно, дружным и единодушным, надолго оставив в их памяти глубокое впечатление.

В связи с ограниченностью получаемой на издание „Еженедельника Советской Юстиции“ субсидии, вследствие постоянного падения валюты, наряду с непрерывным повышением стоимости типографских расходов, равно считаясь с тем, что со времени перевода содержания нарсудов, нарследователей на местные средства прошло достаточно времени,

ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО,

начиная с 1-го января 1923 года,

сохраняя существующий порядок снабжения „Еженедельником Советской Юстиции“ для оставленных на госснабжении судебных мест

ПРЕКРАЩАЕТ бесплатное снабжение журналом

переведенных на местный бюджет

нарсудов, нарследователей, судисполнителей и нотариусов, срочной организацией коллективной подписки для которых надлежит озаботится всем совнарсудам.

За невозможностью в настоящее время установить подписную плату предлагается выслать аванс в счет платы в размере ТРЕХ ТЫСЯЧ РУБЛЕЙ.

Порядок погашения аванса будет об'явлен особо.

Не внесшим до 1-го января 1923 года в указанном размере аванса высылка „Еженедельника Советской Юстиции“ будет с того же числа прекращена.